Postscript

Автор:
Сесилия Ахерн

Postscript

Сесилия Ахерн

P.S. Я люблю тебя #2

Прошло семь лет с тех пор, как умер Джерри, муж Холли Кеннеди. И шесть лет с тех пор, как она прочитала его последнее письмо, призывающее Холли найти в себе мужество начать новую жизнь. Она преодолела боль, заново научилась дышать, любить, верить, у нее есть все основания гордиться тем, как она повзрослела, каким человеком стала за эти годы. Но тут ее покой нарушают участники клуба, вдохновленного ее собственной историей. И им срочно нужна ее помощь. Холли кажется, что дружба с этими людьми погружает ее в прошлое, в мир отчаяния и болезни, заставляет еще раз пережить то горе, от которого она с таким трудом оправилась… – и все же она не может им отказать.

Спустя 15 лет блистательная ирландская писательница возвращается к героям своего триумфального дебюта «P.S. Я люблю тебя», принесшего ей мировую славу и успешно экранизированного компанией Warner Bros. Полюбившаяся читателям история бессмертной любви обретает новое дыхание.

Сесилия Ахерн

Postscript

Cecelia Ahern

Postscript

© Cecelia Ahern, 2019

© Оформление суперобложки Holly Macdonald, Harper Collins Publishers Ltd, 2019

© Shutterstock.com, иллюстрации на суперобложке

© Фото автора Barry McCall

© Меленевская Э. Д., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Поклонникам «P.S. Я люблю тебя» по всему миру с самой сердечной благодарностью

Дорогие читатели!

В октябре 2002 года, несколько дней спустя после того, как мне исполнился 21 год, я начала историю, которая переменила мою жизнь. Изливая душу в «P.S. Я люблю тебя», смеясь и плача над своими словами, над историей, за которую я и взялась-то для самой себя, я представить себе не могла, какой отклик она вызовет по всему миру и как повлияет на меня.

И теперь с особым чувством я предлагаю вам продолжение этого романа, «Postscript» – своего рода постскриптум к нему. Я задумала его, чтобы выразить мое огромное уважение всем читателям и поклонникам первой книги, чтобы еще поговорить о Холли Кеннеди, какой она стала через семь лет после смерти Джерри, и посмотреть, как я изменилась за это время как писатель.

Заново открыть для себя своих персонажей – глубокий эмоциональный опыт. Я словно воссоединилась с людьми, сыгравшими важную роль в моей прошлой жизни. И пожалуй, писать эту книгу мне было сложнее, чем многие другие, ведь на мне была большая ответственность перед всеми читателями, для кого так много значит «P. S. Я люблю тебя».

Я очень горжусь этой историей и надеюсь, что вам понравится и встреча со старыми друзьями, и знакомство с новыми персонажами, что вас тронут и увлекут повороты их жизненного пути.

Писать эту книгу было огромным счастьем для меня, и я от души надеюсь, что на ваших книжных полках она займет то же особое место, что и в моем сердце.

Сесилия Ахерн

Пролог

Целься в Луну, – даже если промахнешься, окажешься среди звезд.

Эти слова выбиты на могильной плите моего мужа. Он часто их повторял. Оптимист и жизнелюб, он то и дело выдавал такие мобилизующие фразы, словно подпитывался их энергией. На меня его позитивные призывы совершенно не действовали – пока муж не умер. Я расслышала их по-настоящему, только когда он заговорил со мной из могилы. Вот тогда я их прочувствовала. Поверила им. Уцепилась за них.

Целый год после смерти мой муж Джерри продолжал жить: раз в месяц я открывала письмо от него. Слова в подарок, весточки-сюрпризы. Кроме них, у меня ничего не осталось. Речь не звучащая, а записанная. Его мысли, движения его ума, мозга, управлявшего телом, в котором билось сердце. Слова значили: жизнь. И я хваталась за них, стискивала в руках, да с такой силой, что костяшки белели, а ногти больно впивались в ладони. Держалась за них так крепко, словно они были всем.

Сейчас семь вечера. Первое апреля – никому не верю. День дураков упивается свежим светом. Вечера сделались длиннее. Весна лечит после резких, хлестких, злых пощечин зимы. Раньше я боялась весны. Зима, в которой так легко укрыться, была мне больше по сердцу. Тьма давала иллюзию, что я окутана вуалью, размыта, выведена из фокуса, почти невидима. Я растворялась во тьме, радуясь, что день скоротечен, а ночь длинна. В сгущающихся сумерках мне слышался отсчет секунд перед тем, как я проваливалась в вожделенный сон. Но теперь я открыта свету. Он нужен, чтобы меня не утянуло назад.

Мое превращение похоже на шок от погружения в ледяную воду. Сначала невыносимо хочется завизжать и скорее выскочить, но чем дольше ты там остаешься, тем больше привыкаешь. Холод, как и темнота, – обманчивое утешение, с которым не хочется расставаться. Но я сумела выбраться: бешено работая ногами и руками, вынырнула на поверхность. С посиневшими губами, стуча зубами, оттаяла и снова вошла в мир.

На границе дня и ночи, зимы и весны, в месте перехода… На кладбище, которое считают местом последнего упокоения, под землей все не так безмятежно, как на поверхности. В глубине, в деревянных объятиях гроба, тела меняются – природа берется за них всерьез. Даже в состоянии покоя тело не остается прежним, постоянно трансформируется. Тишину прерывает лишь детский смех где-то неподалеку. Дети то ли не понимают, в какое междумирье попали, то ли им все равно. Скорбящие хранят молчание, но их страдание – не молчит. Рана скрыта внутри, но ты-то ее слышишь, видишь и ощущаешь. Горе окутывает тело невидимым плащом, он добавляет веса, застит взгляд, замедляет шаг.

Дни и месяцы после смерти мужа я искала ускользающую, потустороннюю связь с ним. Отчаянно хотелось ощутить себя снова целой, утолить эту невыносимую жажду. Когда я работала, он незримо подкрадывался ко мне, прикасался к плечу… и накатывала такая невыносимая пустота! Сердце иссохло. Горе бесконечно и неуправляемо.

Он выбрал кремацию. Его пепел в урне, врезанной в нишу стены колумбария. Его родители зарезервировали место рядом. За урной в ячейке оставлено свободное пространство. Предназначено оно для меня. Я чувствую себя так, словно смотрю в лицо смерти, в точности так, как было, когда он умер. Все бы сделала, лишь бы оказаться рядом. Забраться в эту его нишу, свернуться, как акробатка, обнять пепел своим телом.

Он в стене. Но его нет ни там, ни здесь. Он исчез. Превратился в нечто рассеянное повсюду. Рассыпался, развеялся в частички материи, витающие вокруг меня. Я бы снарядила армию: пусть отыщет каждый атом и соберет воедино… Но ни вся королевская конница, ни вся королевская рать… Мы учим этот стишок в самом начале жизни, но только к концу ее понимаем, что же он значит.

Нам с Джерри повезло попрощаться не раз, а два; за долгим умиранием от рака последовал год в письмах. Он уходил, втайне зная, что оставляет здесь часть себя, чтобы мне было на что опираться кроме старых воспоминаний. Он нашел для нас способ даже после смерти создать новые. Магия. Прощай, любовь моя, прощай еще раз. Казалось бы, довольно, да? И я так думала. Возможно, именно за тем люди и приходят на кладбище. Еще раз проститься. Возможно, важнее не «здравствуй», а утешительное «прощай» – тихое, мирное, без чувства вины. Мы не всегда помним, как встретились, но часто помним, как расстались.

Разве не удивительно, что я снова здесь, в этом месте и в таком душевном состоянии. Семь лет прошло с его смерти. Шесть лет – как я прочитала его последнее письмо. Стала жить дальше и живу, но последние события меня опрокинули, вывернули наизнанку. Нужно идти вперед, но он силой какого-то завораживающего, размеренного прилива словно дотягивается до меня и заставляет вернуться.

Я смотрю на могильную плиту и перечитываю надпись:

Целься в Луну, – даже если промахнешься, окажешься среди звезд.

Значит, вот оно как. Потому что мы это сделали, он и я. Мы целились в Луну. И промахнулись. Всё, что у меня есть, и сама я, и моя новая жизнь без Джерри, выстроенная за последние семь лет, – значит, вот так себя и чувствуешь, когда оказываешься среди звезд.

Глава первая

За три месяца до того

– Добродетельная Пенелопа. Жена Одиссея, царя Итаки. Особа основательная и прилежная, преданная жена и мать. Кое-кто из исследователей пренебрегает ею, видя в ней исключительно символ супружеской верности. Но Пенелопа – натура сложная, она плетет интриги так же ловко, как ткет свое полотно. – Тут экскурсовод делает эффектную паузу и оглядывает заинтригованную аудиторию.

Мы с Гэбриелом на выставке в Национальном музее. Прячемся за спинами в последнем ряду, даже чуть в стороне: как будто сами по себе, не хотим вливаться в их банду, но все-таки не настолько равнодушны, чтобы пропустить то, что вещает экскурсовод. Я прислушиваюсь, а Гэбриел рядом со мной листает брошюру. Он сможет потом повторить все, что гид произнес, слово в слово. Он любит такие штуки. А мне нравится, что он любит такие штуки. Он из тех, кто знает, как провести время, и когда мы познакомились, это было одним из самых крупных его достоинств, поскольку у меня назначена встреча с судьбой. Лет от силы через шестьдесят у меня свидание кое с кем с другой стороны.

– Супруг Пенелопы, Одиссей, покидает ее, чтобы участвовать в Троянской войне, которая длится десятилетие, и еще десять лет уходит у него на то, чтобы вернуться домой. Пенелопа меж тем находится в сложной ситуации: ни много ни мало сто восемь женихов требуют, чтобы она выбрала одного из них в мужья. Пенелопа умна, она находит способы держать женихов в узде, давая каждому надежду, но никогда никому не подчиняясь.

Я настораживаюсь. Рука Гэбриела, по-свойски обнимающая меня за плечи, внезапно кажется тяжелой.

– Ткацкий станок Пенелопы – здесь мы его видим – иллюстрирует одну из ее уловок. Пенелопа работала над погребальным покрывалом для своего свекра, Лаэрта, и уверяла, что выберет себе мужа, только закончив работу. Днем она ткала во дворце на своем огромном станке, а ночью втайне распускала сделанное за день. Она тянула так целых три года в ожидании мужа, обманывая женихов, пока служанка не выдала ее и те не объединились.

У меня лопается терпение.

– А он-то, он ее ждал? – выкрикиваю я.

– Простите? – переспрашивает экскурсовод, ища глазами, откуда прозвучал голос. Вся толпа расступается и оборачивается взглянуть на меня.

– Пенелопа – она да, она образчик супружеской верности. Но как насчет ее мужа? Он-то себя берег для нее там, на войне, двадцать лет?

Гэбриел фыркает.

Экскурсовод улыбается и вкратце рассказывает про девять детей, которых Одиссей прижил от пяти других женщин, и про его извилистый путь от Трои к Итаке.

– Значит, нет, – бормочу я Гэбриелу, в то время как группа идет дальше. – Дурочка Пенелопа.

– Отличный вопрос! – говорит он, и по голосу слышно, что его это забавляет.

Я снова поворачиваюсь к картине, а Гэбриел продолжает листать свою брошюрку. Ну что, похожа я на добродетельную Пенелопу? Тку ли я днем, чтобы расплести ночью, обманываю ли своего верного-прекрасного ухажера, мечтая о воссоединении с мужем? Перевожу взгляд на Гэбриела. В его голубых глазах пляшут чертики, он не вчитывается в мои мысли. Удивительно легко его обмануть.

– А ведь могла бы спать с каждым из них, пока дожидалась, – говорит он. – Бедная благонравная Пенелопа.

Я смеюсь, кладу голову ему на грудь. Он обнимает меня, прижимает к себе, целует в макушку. Он прочный, как дом, я могла бы жить в его объятиях. Высокий, широкоплечий, сильный, Гэбриел целыми днями лазает по деревьям. Он их лечит. Он древовед – или, по-научному, арборист, такое название он предпочитает. Привык к высоте, любит ветер, дождь и вообще все стихии, путешественник, исследователь, и если он не на верхушке дерева, то под ним, уткнулся в книгу. Вечером, после работы, он остро пахнет водяным кресс-салатом.

Мы встретились два года назад на фестивале куриных крылышек в городке Брей. Он заказывал у стойки чизбургер и собрал за собой целую очередь, пока меня клеил. Подловил в удачный момент. Меня привлек его юмор, а он этого и добивался. Видно, это его коронная фраза: «Тут один мой кореш интересуется, не присоединитесь ли вы к нему. Чизбургер, пожалуйста».

Дурацкие подкаты – моя слабость, но нюх на мужчин у меня отличный. На хороших, на прекрасных мужчин.

Он порывается идти, но я тяну его в другую сторону, подальше от внимательного взгляда добродетельной Пенелопы. Она за мной наблюдает и, видно, узнает во мне себя. Но я-то другая, я не она и быть ею не хочу. Я не поставлю жизнь на паузу ради неопределенного будущего.

– Гэбриел?

– Холли? – в тон мне серьезно отзывается он.

– По поводу твоего предложения…

– Марш протеста у дома правительства против уличных украшений к Рождеству? Мы как раз поснимали гирлянды, так что снова их скоро развесят.

Приходится откинуться назад и задрать голову, чтобы заглянуть ему в лицо, – такой он высокий. Глаза у него веселые.

– Нет, не это. Другое. Про то, чтобы нам съехаться.

– А!

– Давай.

Он вскидывает кулак и бесшумно изображает ликующий-вопль-на-весь-стадион.

– Только если пообещаешь, что мы заведем телевизор и каждое утро, просыпаясь, я буду видеть тебя таким, как сейчас.

Я становлюсь на цыпочки и тянусь к нему. Сжимаю в ладонях его щеки, чувствую, как он улыбается в свою бальбо-бородку, которую холит как профессионал, – древовед культивирует растительность на своем собственном лице.

– Это непременное условие для соседки.

– Для сожительницы! – говорю я, и мы хохочем, как дети.

– А ты романтичная! – иронизирует он, обнимая меня.

Раньше да, была. Совершенно была другая. Наверное, наивная. Но теперь – нет. Я крепко прижимаюсь к нему. Пенелопа смотрит осуждающе. Я с вызовом вздергиваю подбородок. Она думает, что знает меня. Ничего подобного.

Глава вторая

– Ты готова? – тихонько спрашивает моя сестра Киара, пока мы устраиваемся в креслах-мешках. Вокруг мерный гул голосов, люди ждут начала шоу. Сидим мы в витрине магазинчика сестры – винтаж и секонд-хенд. Называется он «Сорока». Я работаю здесь с Киарой последние три года. Сегодня мы снова преобразили его в пространство, где пройдет открытая запись еженедельного подкаста Киары, «Поговорим о…». Впрочем, на этот раз я не в обычной безопасной роли и вино с пирожными не разношу. Я поддалась настойчивым уговорам моей цепкой, но предприимчивой и бесстрашной сестрицы, и сегодня я – гостья ее подкаста. Тема беседы – смерть. «Поговорим о смерти». О своем согласии я пожалела сразу, как только «да» слетело с моих губ, а когда я уселась в витрине и взглянула на собравшихся, досада разрослась до астрономических масштабов.

Перекладины с вешалками и стойки с одеждой и аксессуарами отодвинуты к стенам, чтобы поместились складные стулья: пять рядов, по шесть в каждом. Витрину мы разобрали, чтобы разместиться в ней на небольшом возвышении. Спешащие с работы домой люди на бегу таращатся на живых манекенов, что восседают в креслах-мешках спиной к улице.

– Спасибо тебе. – Киара сжимает мне влажную ладонь.

Я вяло улыбаюсь, оценивая про себя последствия: что, если сейчас сорваться с места и спастись бегством. Вряд ли оно того стоит. Слово надо держать.

Киара скидывает туфли и усаживается в кресле с ногами, совсем как дома. Я откашливаюсь, прочищаю горло, звук прокатывается через динамики по залу, откуда на меня выжидающе уставились тридцать пар глаз. Я стискиваю потные руки и заглядываю в заметки. Как измученный студент перед экзаменом, я делала их с тех пор, как Киара меня уговорила. Обрывки мыслей записаны в порыве вдохновения, но сейчас в них никакого смысла. Я даже не вижу, где начинается одно предложение и заканчивается другое.

Наша мама в первом ряду, через несколько стульев от моей подруги Шэрон, которая устроилась в проходе, – там больше места для двухместной детской коляски. Пара маленьких ног – один носок держится на честном слове, другой неизвестно где – торчат из-под одеяла в коляске, полугодовалого малыша Шэрон держат на руках. По один бок от нее шестилетний Джерард, в наушниках, уткнулся в планшет. Еще один отпрыск, четырех лет от роду, во весь голос известил всех, до чего ему скучно, и сполз со стула так, что голова упирается в основание спинки. Четверо мальчишек за шесть лет; какая же она молодчина, что сегодня выбралась. Я-то знаю, что она с рассвета на ногах. Представляю, сколько сил ей стоило собрать их всех, выйти из дому, а потом еще трижды вернуться за забытыми вещами. Шэрон, моя боевая подруга. Улыбается мне. Лицо изможденное, но она всегда меня поддержит.

– Здравствуйте все, приветствую вас на записи четвертого выпуска подкаста «Сороки», – начинает Киара. – Некоторые из вас – наши завсегдатаи. Бетти, спасибо, что снабжаешь нас такими вкусными кексами. Кристиан, сердечно благодарю за сыр и вино.

Я выглядываю среди гостей Гэбриела. Могу поспорить, что его нет. Я настойчиво убеждала его не приходить, хотя и упрашивать особо не требовалось. У Гэбриела, который не любит пускать в свою жизнь чужих и чувства держит под замком, в голове не укладывается, что я буду обсуждать свои дела перед толпой незнакомцев. Мы спорили до хрипоты, но сейчас я полностью с ним согласна.

– Меня зовут Киара Кеннеди, я хозяйка «Сороки». Недавно меня посетила идея выпустить серию подкастов «Поговорим о…» и посвятить их благотворительным организациям, в которые мы перечисляем процент от выручки. На этой неделе мы решили поговорить о смерти – особенно о горе и о том, как его пережить, и у нас в гостях Клер Бирн из «Скорбящей Ирландии» и те, кому эта замечательная организация помогает. Средства от продажи билетов и ваши щедрые пожертвования мы направим «Скорбящим». Чуть позже побеседуем с Клер о важной неустанной работе – поддержке тех, кто перенес утрату. Но сначала я хочу представить мою специальную гостью, Холли Кеннеди, которая, так уж вышло, приходится мне сестрой. Наконец ты здесь! – восклицает Киара, и аудитория разражается аплодисментами.

– Наконец, – нервно смеюсь я.

– С тех самых пор, как в прошлом году я стала делать этот подкаст, я постоянно донимала сестру просьбами поучаствовать. Я так рада, что ты согласилась! – Она берет меня за руку и держит, не отпускает. – Твоя история глубоко повлияла на мою жизнь. Я уверена, что нашим слушателям рассказ о твоих испытаниях пойдет на пользу.

– Спасибо. Хотелось бы надеяться.

Замечаю, что шпаргалка в руке дрожит, и высвобождаюсь из Киариной ладони, чтобы придержать листок.

– Тема у нас сегодня совсем не простая… – продолжает сестра. – Мы так любим жизнь и так сосредоточены на том, чтобы устроить ее получше, что беседовать о смерти неловко, таких разговоров избегают. И я даже не представляю себе человека, который больше бы подходил для той задачи, которая сегодня стоит перед нами. Холли, пожалуйста, расскажи, что с тобой случилось.

Я прочищаю горло.

– Семь лет назад рак забрал у меня моего мужа Джерри. У него была опухоль мозга. Ему было тридцать лет.

Сколько бы раз я это ни повторяла, горло все равно перехватывает. Эта часть истории еще не отболела, еще горит во мне, выжигая изнутри. Я бросаю

быстрый взгляд на Шэрон. Она драматически закатывает глаза и зевает. Поневоле улыбаюсь. Я справлюсь.

– Мы собрались, чтобы поговорить о горе. Что вам сказать? Я не одна такая, смерть касается всех, и многие из вас знают, что переживание утраты – долгий путь. Ты не способен контролировать горе. Наоборот, кажется, что большую часть времени оно владеет тобой. Взять под контроль можно только то, как ты с ним справляешься.

– Ты говоришь, что не одна такая, – вступает Киара, – но ведь личный опыт уникален, и мы можем учиться друг у друга. Любая потеря тяжела. Но как ты думаешь: не пришлось ли тебе труднее из-за того, что вы с Джерри выросли вместе? Где Холли – там и Джерри, с детства это помню…

Кивнув, я рассказываю нашу с Джерри историю. Чтобы не сбиться, на публику не смотрю, говорю будто сама с собой – в точности так, как репетировала дома под душем.

– Мы познакомились в школе, мне тогда было четырнадцать. Тогда и начались «Джерри и Холли». Я стала его девушкой. Потом женой. Мы росли, взрослели бок о бок. В двадцать девять я его потеряла и стала вдовой Джерри. Я не просто утратила с ним какую-то часть себя. Я чувствовала, что полностью исчезла. Не понимала, кто я. Восстанавливаться пришлось с нуля.

Некоторые кивают. Они знают, о чем я. Впрочем, это всем известно, а если и нет – ждать недолго.

– Ка-ка! – раздается голос из коляски, а за ним – хихиканье. Шэрон, шикнув, лезет в огромную торбу и достает оттуда рисовый хлебец с клубнично-йогуртовой глазурью. Хлебец исчезает в коляске. Квохтанье стихает.

– И как ты восстанавливалась? – спрашивает Киара.

Странно рассказывать сестре о том, что она и так видела своими глазами, поэтому обращаюсь к аудитории, к людям, которых тогда рядом не было. И, глядя в их лица, чувствую, как внутри меня будто щелкает переключатель. Дело вовсе не во мне. Это все Джерри. Он сделал нечто особенное, и я буду говорить от его имени с людьми, жаждущими это узнать.

– Мне помог Джерри. Перед смертью он придумал секретный план.

– Та-дам! – провозглашает Киара, и по залу пробегает смех.

Я улыбаюсь, глядя на оживившиеся лица. И волнуюсь: первый год после его смерти был и правда исключительным, пусть даже за минувшее время его значение и поистерлось в памяти.

– Он оставил мне десять писем, чтобы я распечатывала по одному каждый месяц после его ухода. И каждое письмо заканчивалось словами: «P. S. Я люблю тебя».

Видно, что люди тронуты, поражены. Они кивают друг другу, переглядываются, перешептываются. Тишина нарушена. И тут раздается плач младшего сына Шэрон. Задумчиво глядя перед собой, постукивая пальцем по пустышке, она укачивает малыша.

Киара говорит в микрофон, перекрывая кряхтение младенца:

– Когда я просила тебя поучаствовать в подкасте, ты особенно настаивала на том, чтобы не говорить о болезни Джерри. Ты хотела рассказать о том даре, который он тебе оставил.

Я киваю:

– Да, я не хочу говорить о раке, о том, через что Джерри пришлось пройти. Вот мой совет, если он для вас уместен: постарайтесь не концентрироваться на тьме. Ее и без того хватает. Мне бы хотелось поговорить о надежде.

Киара с гордостью смотрит на меня сияющими глазами. Мама стискивает руки.

– Мне важно рассказать вам о даре, который мне достался. Даре найти себя, которым я обязана потере. И мне не стыдно признаться, что смерть Джерри меня сломала. Но его письма помогли мне обрести себя снова. После его смерти мне открылась та часть моей личности, о которой я прежде и не подозревала. – Слова захлестывают меня, я не в силах остановиться. Надо, чтобы люди меня поняли. Сиди я семь лет назад в этом зале, мне бы точно надо было это услышать. – Понимаете, я нашла вдруг в себе новую, удивительную силу – на

самом дне, в мрачном, пустынном уголке души, но нашла! Увы, но именно так мы обретаем сокровища, что поддерживают в нас жизнь. Роясь, копаясь в темноте и грязи, мы наконец наталкиваемся на что-то значимое и надежное. Так я узнала, что каменное дно может стать трамплином.

Ведомая восторженной Киарой, аудитория аплодирует.

Плач младенца Шэрон перерастает в визг – до того пронзительный, будто ребенку ногу отпиливают. Тот братец, что в коляске, бросает в него недоеденный хлебец. Шэрон встает и, извинившись взглядом, одной рукой толкает громоздкую двойную коляску по проходу меж стульями, другой прижимает к себе орущего малыша. Двое старших остаются с моей мамой. Неуклюже маневрируя на пути к двери, Шэрон налетает на стул, цепляется за ремни и ручки чужих сумок, выставленных в проход, бормочет «прошу прощения».

Киара молча ждет, когда она выйдет.

Шэрон толкает коляской дверь, пытаясь ее открыть. Мэтью, муж Киары, вскакивает придержать створку, но двойная коляска слишком широка, не входит в проем. Шэрон в панике раз за разом ударяет ею о косяк. Ребенок вопит, коляска грохочет, и Мэтью просит Шэрон подождать, пока он откроет вторую створку. Шэрон с несчастным лицом оборачивается к нам. Я, передразнивая ее, закатываю глаза и зеваю. Она благодарно улыбается и наконец выходит.

– Эту часть мы потом вырежем, – шутит Киара. – Холли, помимо писем от Джерри, ты как-нибудь еще ощущала его присутствие?

– Хочешь спросить, видела ли я его призрак?

Кое-то смеется, а кто-то ждет утвердительного ответа.

– Я об энергии, – поясняет Киара. – Ну, ты понимаешь.

Я делаю паузу, чтобы подумать, вспомнить то ощущение.

– Смерть, как это ни странно, да… ты ее физически чувствуешь – как будто с тобой в комнате другой человек. Бреши, что остаются после ухода близких, их отсутствие – почти зримы. Порой Джерри казался мне более живым, чем те, кто был рядом. – Я мысленно возвращаюсь к тем одиноким дням и ночам, когда металась между реальностью и воображением. – Да, воспоминания могут быть удивительно мощными, убедительными. Погрузиться в них было благом, спасением. В воспоминаниях он возвращался ко мне. Но будьте осторожны. Воспоминания могут стать и тюрьмой. Я так благодарна Джерри, что он оставил мне письма. Так он вытянул меня из всех этих черных дыр. В письмах он говорил со мной как живой, и у нас появлялись новые, общие, воспоминания.

– А сейчас? Семь лет спустя? Джерри все еще рядом?

Я молчу. Застыла, глядя на нее, как кролик под светом автомобильных фар. Растерялась. Не могу найти слов. Рядом?

– Я уверена, что Джерри всегда будет частью тебя, – чувствуя мое состояние, мягко произносит Киара. – Он всегда будет с тобой, – продолжает она, как будто бы я забыла, а она мне напоминает.

Пыль к пыли, прах к праху. Рассыпанные, развеянные частицы материи витают вокруг меня.

– Безусловно, – натянуто улыбаюсь я. – Джерри всегда со мной.

Тело умирает, душа – дух – остается. В первый год после смерти Джерри бывали дни, когда мне чудилось: энергия Джерри – во мне, формирует меня, делает сильнее, превращает в крепость. Тогда я была способна на все и совершенно неуязвима. Но порой, ощущая эту его энергию, я рассыпалась на миллион осколков. Это было напоминание о потере. Я не могла. Не желала. Вселенная забрала у меня лучшую часть жизни, и я боялась, что она отнимет и остальное. Теперь я понимаю, что те дни были драгоценны, потому что сейчас, семь лет спустя, я совсем не чувствую Джерри рядом.

Увязнув во лжи, которую только что вымолвила, я гадаю, прозвучала ли она так пусто и гулко, как слышится мне. Между тем дело идет к концу. Киара предлагает слушателям задать вопросы, и я слегка расслабляюсь в надежде, что осталось совсем немного. Третий ряд, пятое место, комкает в руке платок,

тушь размазалась.

– Привет, Холли. Меня зовут Джоанна. Несколько месяцев назад я потеряла мужа. Хотела бы я, что бы он так же оставил мне послания. Не могли бы вы рассказать, что было в последнем письме?

– А я и вовсе хочу знать, что было в каждом из них, – заявляет кто-то, сопровождаемый рокотом одобрения.

– У нас хватит времени, чтобы услышать про все, если Холли не против, – говорит Киара, вопросительно глядя на меня.

Делаю глубокий вдох – и очень медленно выдыхаю. Я так давно не вспоминала о письмах. Как о факте – да, думала, но не о каждом в отдельности и не об их порядке. С чего же начать? Новая лампа на прикроватный столик, новое платье, вечер в караоке, семена подсолнуха, полный отрыв с друзьями в день рождения… Поймут ли они, как много значили для меня эти пустяковые на первый взгляд вещи? Но последнее письмо… Я улыбаюсь. Это легко.

– В последнем письме было сказано: «Не бойся снова влюбиться».

Такой прощальный жест Джерри – прекрасный, великодушный, щедрый – всех впечатляет. Всех, кроме Джоанны. В ее взгляде – смятение и разочарование. Отчаяние. Погруженная в горе, совсем не это она хотела услышать. Она еще держится за мужа, она еще не готова отпустить.

Я знаю, о чем она думает. Снова полюбить невозможно. Это не повторится.

Глава третья

Сконфуженная, Шэрон возвращается в опустевший магазин. Младенец спит в коляске, а разгоряченный краснощекий Алекс, который только начал ходить, цепляется руку.

– Привет, бузотер, – наклоняюсь к нему.

Он меня игнорирует.

– Поздоровайся с Холли, – ласково говорит Шэрон.

Ее он тоже игнорирует.

– Алекс, поздоровайся с Холли, – рычит Шэрон, словно сатана из бездны ада, так внезапно, что мы с мальчишкой пугаемся оба.

– Привет, – говорит он.

– Вот и молодец. – Голос снова нежнее нежного.

Я смотрю на нее открыв рот. Никак не привыкну к раздвоению личности Шэрон, вызванному материнством.

– Мне так стыдно, – говорит она тихо. – Прости меня. Я прямо женщина-катастрофа.

– Да брось ты. Я так рада, что ты пришла. И потом, ты такая сильная! Сама же говоришь, что первый год самый трудный. Еще несколько месяцев, и этот маленький мужичок станет мужчиной. Осталось чуть-чуть.

– Да… но на подходе еще один.

– Что?!

– Я снова беременна, – со слезами кивает она. – Я знаю, я идиотка.

Выпрямляет спину, – мол, нас не сломать, – но видно, что она на нуле. Выжата досуха. Не передать, как я ей сочувствую, – тем сильнее, чем с меньшим энтузиазмом она встречает каждую новую беременность.

Обнявшись, мы в унисон говорим:

– Только не рассказывай Дениз.

От одного вида Шэрон, покидающей магазин с четырьмя мальчиками, меня охватывает уныние. Это вдобавок к нервному напряжению этого дня, бессоннице прошлой ночи и тому, что пришлось целый час перетряхивать свою жизнь перед чужими. В общем, сил нет совершенно, но мы с Киарой должны еще проводить гостей и навести в магазине порядок.

– Ах, как это было чудесно! – вихрем выводит меня из размышлений Энджела Кэрберри. Надежда и опора магазина, она отдает нам свои дизайнерские одежки, сумки и украшения. В основном благодаря ей «Сорока» как-то держится. Киара шутит, что Энджела покупает вещи, только чтобы передать их нам. Хрупкая, как птичка, выглядит она, как всегда, невероятно стильно. Блестящие черные волосы, стрижка боб с прямой челкой, нити жемчуга на шее, шелковое платье с галстуком-бантом.

– Энджела, спасибо, что вы пришли… – И чуть не падаю, когда она бросается ко мне с объятиями.

Поверх ее плеча вижу, как Киара таращит глаза, изумленная таким внезапным проявлением чувств. Энджела обычно строга. Я чувствую все ее птичьи косточки, так крепко она меня обнимает. Мы-то думали, что Энджела не склонна к импульсивному поведению или телесному контакту. Нам в голову не приходит обниматься с ней, когда она лично привозит в магазин коробки с одеждой, туфли в фабричной упаковке и сумки в оригинальных чехлах – и указывает нам, куда что выложить и за сколько продать, причем не ждет в обмен ни цента.

Когда она отстраняется, ресницы ее мокры.

– Вы должны это делать чаще, эту историю должны услышать больше людей.

– О нет! – смеюсь я. – Это разовая акция – только чтобы утихомирить мою сестрицу.

– Неужели вы не понимаете? – удивляется Энджела.

– Что именно?

– Силу этой истории. То, что вы сделали с людьми, как достучались до всех сердец, как тронули каждого, кто вас слушал.

В смущении я смотрю на очередь, которая выстроилась за Энджелой, чтобы поговорить со мной.

Она хватает меня за руку и сжимает ее – на мой вкус, слишком сильно.

– Вам надо это повторить.

– Я очень вам признательна, Энджела, но я уже все пережила, обо всем рассказала и думаю, что на этом остановлюсь.

Говорю я не резко, но есть в моих словах некая жесткость, неожиданная и для меня самой. Защитный слой, который мгновенно топорщится колючками. Рука Энджелы обмякает, как будто я пронзила ее шипом. Вспомнив, где она находится, она неохотно отпускает меня, ведь другие тоже дожидаются своей очереди.

Ее рука больше не держит мою, колючки втянулись, но от ее хватки остается болезненное ощущение, как от синяка.

Забираюсь в кровать под бок к Гэбриелу. Комната вертится – с мамой и Киарой мы пили вино в квартирке сестры над магазином и явно перебрали.

Он ворочается, открывает глаза, в один миг оценивает мое состояние и ухмыляется:

– Хорошо провела вечер?

– Если мне еще раз взбредет в голову натворить что-то такое… не разрешай мне, – бормочу я, смежив веки и стараясь унять головокружение.

– Договорились. Что ж, ты это сделала. Ты – сестра года. Не исключено, что и жалованье прибавят.

Я фыркаю.

– Ну, все позади. – Он придвигается ближе и целует меня.

Глава четвертая

– Холли! – снова кричит Киара. Тон ее с терпеливого меняется на пронзительно-злобный. – Да где ты, черт тебя побери?

Я в кладовке за грудой коробок. Прямо скажем, скорчилась на полу. И прямо скажем, поверх коробок накинута кое-какая одежда, так что получилась нора. Прямо скажем, прячусь.

Поднимаю голову и в щель вижу Киару.

– Какого черта? Ты что, прячешься?

– Нет, конечно. Придумаешь тоже.

Она сверлит меня взглядом. Она мне не верит.

– Я звала тебя черт знает сколько раз. Энджела Кэрберри зашла повидаться, хотела с тобой поговорить и была очень настойчива. Я сказала ей, что ты вышла выпить кофе. Она ждала пятнадцать минут. Ты же знаешь, какая она. Какого черта, Холли? Из-за тебя я выглядела так, словно не знаю, где находятся мои служащие, и я таки – да, не знала.

– А! Ну, теперь-то знаешь. Жаль, что мы с ней не встретились.

Прошел месяц с записи подкаста, но идея Энджелы Кэрберри, чтобы я почаще делилась своей историей, по-моему, превратилась в навязчивую. Я встаю с корточек, со стоном распрямив ноги.

– Что у вас там с Энджелой? – беспокоится Киара. – Это касается магазина?

– Нет, что ты. «Сорока» ни при чем, не волнуйся. Она что, привезла еще тюк одежды?

– Да, винтажную Chanel, – с облегчением говорит сестра, но сразу спохватывается: – Так что происходит? Почему ты от нее прячешься? Не думай, что я ничего не вижу – ты точно так же себя вела, когда она зашла к нам на прошлой неделе.

– Ты общаешься с ней лучше меня. Я с ней мало знакома. И она такая командирша.

– Да, командирша, потому что у нее есть на это право. Она дарит нам шмотья на тысячи евро. Да я бы демонстрировала ее ожерелья, сидя голой на механическом быке, если бы она захотела.

– Никто такого не захочет. – Я протискиваюсь мимо Киары.

– А я бы посмотрел! – кричит Мэтью из другой комнаты.

– Вот это она просила тебе передать. – Киара протягивает мне конверт.

При виде конверта мне становится не по себе. У нас с конвертами свои отношения. За последние шесть лет мне не раз приходилось их распечатывать, но этот вызывает что-то вроде предчувствия. Наверно, там приглашение высказаться по поводу проживания утраты на каком-нибудь дамском ланче, который организует Энджела, или что-то вроде того. Она уже не однажды спрашивала, не продолжу ли я свои «выступления» и не собираюсь ли писать книгу. Каждый раз, являясь в магазин, она снабжает меня номером телефона какого-нибудь агента, издательского или по проведению мероприятий. Сначала я вежливо ее благодарила, но в последний раз отшила так откровенно, что, думала, больше она носа сюда не покажет. Я беру у Киары конверт и засовываю его в задний карман джинсов.

Сестра сверлит меня взглядом. Я отвечаю тем же.

В дверях возникает Мэтью.

– Хорошая новость! «Поговорим о смерти» на сегодня – самый успешный эпизод подкаста! Его скачало больше народу, чем все остальные выпуски, вместе взятые! Поздравляю, сестрички. – На радостях он поднимает обе руки, чтобы мы хлопнули его по ладоням.

Но мы с Киарой продолжаем бодаться взглядами. Я злюсь, потому что из-за этой записи стала мишенью почти навязчивого внимания Энджелы, а она – потому, что я по неизвестной причине обижаю самую ценную из поставщиц ее магазина.

– Ну же, не заставляйте меня ждать!

Без всякого энтузиазма Киара дает ему пять.

– Не такой реакции я ожидал, – говорит он и, озабоченно глядя на меня, опускает вторую руку. – Прости, я бестактный, да? Это ведь не по поводу Джерри, ты же знаешь…

– Я знаю, – отвечаю я и улыбаюсь ему. – Дело не в этом.

Я не могу порадоваться успеху подкаста. По мне, так лучше бы его никто никогда не слышал и лучше бы я там не участвовала. Никогда больше я не захочу ни слышать, ни говорить о письмах Джерри.

Дом Гэбриела в Гласневине, одноэтажный викторианский коттедж, который он приспосабливал для жизни своими руками, любовно и терпеливо, – это уютное жилье с разношерстной обстановкой. И, в отличие от моего, у него есть индивидуальность и характер. Мы в гостиной. Пол покрыт уютным пушистым ковром, на ковре чудовищное плюшевое кресло-мешок, в котором мы валяемся и пьем красное вино. Гостиная в глубине дома. Окон в комнате нет, но она очень светлая: свет, хоть и вялый, февральский, льется с потолка. Мебель – мешанина из современности и старины; Гэбриел покупает только то, что ему приглянулось. У каждой вещи своя история, не обязательно сногсшибательная или какая-то другая ценность, но все они взялись из разных мест. Камин – главный акцент комнаты. Телевизора нет, взамен него – проигрыватель, на котором Гэбриел слушает всякую загадочную музыку, и книги, книг в избытке. Сейчас, например, он изучает искусствоведческое издание под названием «Двадцать шесть бензоколонок», это черно-белые фотографии стародавних автозаправочных

станций США. А фоном звучит Али Фарка Туре, малийский певец и гитарист. Сквозь стеклянный потолок я вижу вечереющее небо. Ну чем не кайф? Чудесно, правда. Гэбриел – именно тот, кто мне нужен, и именно тогда, когда я позарез в нем нуждаюсь.

– Когда начнут смотреть дом? – интересуется он, недоумевая, что с тех пор, как мы уже больше месяца назад приняли решение, ничего еще не произошло. А не произошло, собственно, потому, что меня сбила с курса запись подкаста.

Официально мой дом до сих пор не выставлен на продажу, но, не в силах признаться, я ограничиваюсь легким: «Завтра встречаюсь с риелтором». Поднимаю голову, чтобы отхлебнуть вина, и снова устраиваюсь на груди у Гэбриела, более основательных действий от меня сегодня не требуется. «И тогда ты будешь мой, только мой!» – я хохочу как ненормальная.

– Я и так уже твой. Кстати, взгляни-ка, что я нашел. – Он ставит бокал и достает из-под стопки книг, сваленных у камина, смятый конверт.

– А, да, спасибо. – Я складываю конверт вдвое и засовываю куда-то за спину.

– Что в нем?

– Один парень слышал, как я выступала в магазине. Нашел, что я вполне сексуальная вдова, и дал мне свой номер телефона, – говорю я с абсолютно серьезным видом, прихлебывая вино.

Он хмурится, я хохочу.

– Ну ладно, это женщина, и она хочет, чтобы я продолжала рассказывать про себя. Просто донимает – уговаривает, чтобы я еще выступала или начала книгу писать. – Я снова смеюсь. – В любом случае это напористая богатая дама, с которой я почти незнакома, и я сказала ей, что мне это неинтересно.

Он смотрит на меня с интересом.

– Знаешь, я послушал его вчера в машине, этот подкаст. Ты говорила так трогательно. Уверен, твои слова многим помогут. – Надо же, он впервые

положительно отзывается о подкасте. Хотя, скорее всего, нового он ничего в записи не услышал: в первые месяцы нашего знакомства мы оба взахлеб изливали друг другу душу, – но мне искренне хочется оставить это все позади.

– Я просто поддержала Киару, – отмахиваюсь я от похвалы. – Не беспокойся. Я не намерена торговать рассказами о покойном муже.

– Беспокоит меня не то, что ты будешь о нем рассказывать, а то, как скажется на тебе бесконечное проживание этого опыта.

– Этого не случится.

Он ерзает в кресле и закидывает на меня руку. Я думаю, что Гэбриел хочет меня обнять, но он тянется дальше, отыскивает конверт и вытаскивает его из-под меня.

– Ты его не открывала. И не знаешь, что там?

– Нет. Потому что мне все равно.

Он внимательно на меня смотрит:

– Тебе не все равно.

– Нет. Иначе я бы его вскрыла.

– Тебе не все равно. Иначе ты бы его вскрыла.

– Там не может быть ничего важного. Она принесла письмо несколько недель назад. Я совсем о нем забыла.

– Можно хотя бы взглянуть? – Он поддевает клапан.

Пытаясь выхватить конверт, я расплескиваю вино на ковер. Вывинчиваюсь из рук Гэбриела, сползаю на пол и бегу на кухню за мокрым полотенцем. Держа полотенце под краном, слышу звук разрываемой бумаги. Сердце стучит. Кожа

опять словно ощетинивается колючками.

– Миссис Энджела Кэрберри. Клуб «P. S. Я люблю тебя», – громко читает он.

– Что?!

Гэбриел протягивает мне карточку. Я подхожу ближе, чтобы ее рассмотреть. Вода с полотенца капает ему на плечо.

– Холли! – отодвигается он.

Я забираю у него маленькую белую визитку. Шрифт элегантный.

– Клуб «P. S. Я люблю тебя», – зачитываю я, сгорая сразу и от ярости, и от любопытства.

– Что это значит? – интересуется Гэбриел, стряхивая капли с плеча.

– Понятия не имею. То есть «P. S. Я люблю тебя» – это понятно, но… В конверте больше ничего нет?

– Только визитка.

– Слушай, с меня хватит. Это похоже на шантаж… – Хватаю с кушетки телефон и ухожу на кухню, чтобы уединиться. – Или на плагиат.

Его забавляет моя резкая смена настроения.

– Чтобы сошло за плагиат, тебе следовало записать это хоть где-нибудь. Скажи ей, чтоб отвалила, но только полегче. Ладно, Холли? – И он возвращается к альбому с бензоколонками.

Трубку долго никто не берет. Я барабаню пальцами по стойке, раздраженно выстраивая в уме диалог. Я проговариваю про себя, что она должна оставить меня в покое, отвалить, пойти к черту, похоронить эту идею немедленно. И к чертям собачьим этот клуб, что бы он ни значил. Я не имею к нему ни малейшего

отношения – и никто другой тоже, я настаиваю. Я помогала сестре, и в результате только то и чувствую, что меня выпотрошили и использовали. И слова эти принадлежат моему мужу, он написал их мне, а она тут ни при чем и использовать их не смеет. С каждым гудком гнев мой разгорается все сильнее, и я уже готова дать отбой, когда мне наконец отвечает мужской голос:

– Алло?

– Добрый день. Могу я поговорить с Энджелой Кэрберри?

Я чувствую на себе взгляд Гэбриела. Он беззвучно произносит: «Полегче!» Поворачиваюсь к нему спиной.

Голос на том конце невнятный, словно говорят не в микрофон. Рядом слышны другие голоса, и непонятно, к ним он обращается или ко мне.

– Алло! Вы меня слышите?

– Да-да, слышу. Но ее больше нет, Энджелы. Она скончалась. Умерла. Сегодня утром. – Голос срывается. – У нас как раз люди из похоронной конторы. Мы еще ничего не решили. Так что мне пока нечего вам сказать.

Я изо всех сил бью по тормозам, сползаю в кювет, гнев смят и сожжен. Пытаюсь восстановить дыхание.

– Мне так жаль… так жаль… – бормочу я, опускаясь на стул. Гэбриел встревоженно наблюдает за мной. – Но как это случилось?

Голос мерцает – он то ближе, то дальше, то громче, то слабее. Понятно, что этот человек растерян. Мир его перевернулся с ног на голову. Я даже не знаю, кто он, и все-таки утрата его почти осязаема. Она тяжким грузом ложится на мои плечи.

– Это случилось внезапно… застало нас врасплох. Мы думали, время еще есть. Но опухоль разрослась, и, в общем… вот.

– Рак? – шепчу я. – У нее был рак?

– Да, да… Я думал, вы знаете. Простите, но с кем я говорю? Вы назвались? Простите, я плоховато соображаю…

Он все бормочет, бормочет. Я думаю об Энджеле, исхудалой, подавленной, как она держится за мою руку и сжимает ее крепко, до боли. Она казалась мне странной, раздражающей, но, оказывается, ей отчаянно, отчаянно хотелось, чтобы я ее навестила. А я этого не сделала. Я даже ей не позвонила. Я не нашла для нее времени. Конечно, мой рассказ ее растрогал. Еще бы, ведь она умирала от рака. И так схватилась тогда за мою ладонь, будто от этого зависела ее жизнь.

Видно, я всхлипнула или что-то такое, потому что вдруг оказалось, что Гэбриел стоит передо мной на коленях, а человек в трубке говорит:

– О боже. Простите. Наверно, мне следовало выразиться деликатнее. Но я еще не привык… все это так странно…

– Нет-нет. – Я стараюсь взять себя в руки. – Это вы меня простите, что побеспокоила вас в такую минуту… Мои самые глубокие соболезнования вам и всем близким. – Я тороплюсь закончить разговор.

Обрываю звонок.

Обрываюсь.

Глава пятая

Я понимаю, что не виновата в смерти Энджелы, но рыдаю так, словно я ее убила. Если бы я ей позвонила, если бы пришла в гости или согласилась поучаствовать в какой-нибудь ее затее, все это ничуть не продлило бы ей жизнь. И все-таки плачу я так, словно могла ей помочь. Выплакиваю все нелепые и бессмысленные предположения, которыми полнится моя голова.

Поскольку на щедрости Энджелы во многом держался наш магазин, Киара чувствует себя обязанной присутствовать на похоронах. А у меня, к

недовольству Гэбриела, на то гораздо больше причин. Мы чаще помним не как встретились, а как расстались. При встрече с Энджелой я проявила себя не лучшим образом и хочу попрощаться с ней как полагается.

Для обряда выбрали живописную церковь Успения в Далки – на главной улице, напротив замка. Мы с Киарой пробираемся через толпу у входа и садимся в заднем ряду. Вносят гроб, за ним идут самые близкие. Церковь заполняется. Во главе процессии – муж Энджелы, пожилой мужчина, с которым я говорила по телефону. За ним – плачущие родственники и друзья. Меня утешает, что он не одинок. Люди опечалены, они тоскуют об Энджеле – значит, в ее жизни была любовь.

Начинается служба. Очевидно, что священник покойную близко не знал, но старается изо всех сил. Собрал основные факты ее биографии, словно сорока – блестящие вещички, и излагает их с чувством. Когда дело доходит до прощальных речей, к кафедре подходит незнакомая мне женщина. В церковь вкатывают экран, за которым тянутся провода.

– Здравствуйте! Меня зовут Джой. Я собиралась сказать несколько слов о моей подруге Энджеле, но она мне запретила. Последнее слово она оставила за собой. Впрочем, как всегда.

По церкви прокатывается смешок.

– Ты готов, Лоуренс? – спрашивает Джой.

Ответа Лоуренса я не слышу, но экран, так или иначе, начинает светиться, и на нем появляется лицо Энджелы. Она измождена – видно, что снимали незадолго до конца, – но широко улыбается.

– Здравствуйте все, это я!

Люди в церкви ахают, многие плачут.

– От души надеюсь, что вам без меня очень и очень плохо, что ваша жизнь сделалась невыносимо пресной. Очень жаль, что пришлось уйти, но что поделать. Надо быть ко всему готовым. Здравствуйте, мои дорогие! Мой

Лоуренс, мои мальчики, Малахия и Лиам. Здравствуйте, мои маленькие, надеюсь, бабушка не очень вас напугала. Мне бы хотелось, чтобы вам было полегче. Что ж, пойдемте. Сейчас мы в комнате, где я храню свои парики.

Камера в ее руках, развернувшись, проходится по полкам, уставленным множеством манекенов. На их головах сидят парики – разнообразных фасонов, расцветок и стилей.

– Вы знаете, что это был антураж моей жизни в последнее время. Спасибо, Малахия, что недавно привез мне вот эту красоту с музыкального фестиваля. – Крупным планом показав «ирокез», она подхватывает его и натягивает на голову.

Все смеются сквозь слезы. Взлетают к глазам носовые платки, бумажные салфетки торопливо изымаются из упаковок и передаются по проходу.

– Итак, милые мои мальчики, – продолжает Энджела, – дороже вас у меня нет никого на свете, и я пока не готова проститься с вами навеки. Под этими париками к головам манекенов я приклеила по конверту. Каждый месяц вы будете снимать один парик, надевать его, открывать конверт, читать послание и вспоминать обо мне. Я всегда с вами. Я люблю вас всех и благодарю за самую счастливую, самую прекрасную жизнь, какую только может пожелать себе женщина, жена, мать и бабушка. Спасибо за все.

И после крошечной паузы:

– P. S.! – Она посылает нам воздушный поцелуй. – Я люблю вас.

Вцепившись в мою руку, Киара медленно поворачивается ко мне.

– О боже, – шепчет она.

Экран гаснет, и все, абсолютно все плачут. Не представляю, что сейчас чувствует ее семья. Я не могу поднять глаз на Киару. Мне плохо. Голова кружится. Дышать нечем. И хотя всем тут не до меня, я чувствую себя в центре внимания, как будто каждому из присутствующих всё известно и о нас с Джерри, и о том, что он для меня сделал. Будет очень невежливо выйти? Дверь совсем

рядом. Мне нужно на воздух, к свету, прочь от этой удушающей сцены. Я встаю и, придерживаясь за спинку скамьи, иду к двери.

– Холли! – шипит вслед сестра.

На улице я жадно хватаю ртом воздух, но этого мало. Мне нужно уйти подальше, убраться отсюда.

– Холли! – спешит за мной Киара. – С тобой все хорошо?

Я останавливаюсь и смотрю на нее.

– Нет. Не все. Не хорошо. Определенно нет.

– Черт, это я виновата. Прости меня, Холли! Я просила тебя сделать этот подкаст, а ты не хотела, и я почти тебя заставила. Прости, это моя вина… Теперь понятно, почему ты ее избегала. Еще бы… Мне так жаль…

Каким-то образом ее слова приводят меня в чувство. Нет, я не виновата, что это так на меня подействовало. Это просто случилось со мной, и все. Я не виновата. Так нечестно. Киара – само участие. Она обнимает меня, я кладу голову ей на плечо и чувствую себя слабой, печальной, уязвимой. Нет, так мне не нравится. Прекрати. Я вскидываю голову.

– Нет.

– Что «нет»?

Кое-как промокнув глаза, решительно иду к машине.

– Я теперь другая, не та, что раньше.

– Что ты имеешь в виду? Холли, да посмотри же на меня! – умоляет Киара, пытаясь перехватить мой взгляд, но я дико озираюсь, чтобы сфокусироваться, чтобы снова выстроить перспективу.

– Больше такого не повторится. Я иду в магазин. Я возвращаюсь к своей жизни.

Начав работать у сестры, после того как закрылся журнал, где я трудилась прежде, я обнаружила у себя интересную способность. Оказалось, что я мастер сортировки. Киара великолепно разбирается во всем, что касается эстетики, украшая магазин и размещая каждую вещь так, что она начинает играть. Я же вполне довольна тем, что целыми днями сижу в кладовке и разбираю коробки и мешки с вещами, которые нам приносят. Полностью погружаюсь в процесс, забываю обо всем. А сейчас, после похорон Энджелы Кэрберри, это занятие оказывает прямо-таки терапевтический эффект. Я вытряхиваю содержимое коробки на пол, сажусь рядом и перебираю. В сумках проверяю кармашки. Раскладываю все на кучки: сюда сокровища, туда – хлам. Полирую украшения, пока не заблестят, надраиваю обувь, сдуваю пыль со старых книг. Выбрасываю всякую дрянь: грязное белье, непарные носки, использованные носовые платки. Если не сильно занята, подробно изучаю завалявшиеся бумажки, рецепты и записки. Пытаюсь определить, когда вещью пользовались в последний раз, или понять, что за жизнь была у ее хозяина. Отмываю и отстирываю то, что можно отмыть и отстирать, отпариваю мятую ткань. Радуюсь ценным находкам: деньги, фотографии, письма отправятся к владельцам. Если возможно, подробно записываю, кому что принадлежало. Бывает, что найденное вернуть некому; люди, бросающие мешки у порога, только рады избавиться от старья и контактных данных не оставляют. Но порой хозяина все-таки удается найти. Если продать вещь не получится или она не соответствует критериям Киары, мы упаковываем ее и передаем в благотворительные организации.

В общем, я беру старое и делаю его новым, и наградой мне вера в то, что моя работа полна смысла. И сегодня прекрасный день, чтобы погрузиться в разбор имущества, которое становится просто набором бездушных предметов, оказавшись в мешке. Беру в кладовке коробку с книгами, несу ее в магазин, ставлю там на пол. Усаживаюсь рядом, вытираю обложки, расправляю загнутые страницы, перелистываю – нет ли закладок. Иногда встречаются старые фотографии, но чаще всего закладок нет, так что каждая находка – приключение. Я ухожу в работу с головой, как вдруг звякает дверной колокольчик.

Киара в другом углу магазина борется с обезрученным и обезглавленным манекеном, пытаясь напялить на него платье в горошек.

– Добрый день! – радостно приветствует она вошедшего.

Она ладит с покупателями лучше меня. Если есть выбор, то я отвечаю за вещи, а она – за людей. Они с Мэтью решили открыть магазин, пять лет назад купив этот дом на Сен-Джордж-авеню в дублинском районе Драмкондра. С фасада уже была витрина от пола до потолка, оставшаяся от бывшей кондитерской. На втором этаже квартира, сестра с мужем там живут. В секонд-хенд на тихой улочке покупатели не идут потоком, но некоторые специально едут к нам. А еще клиентурой снабжает нас местный университет: студентов приманивает дешевизна, не говоря уж о винтажном шике. Киара – наша душа. Она устраивает по вечерам всяческие мероприятия, посещает ярмарки, пишет в журналы, а иногда даже обсуждает моду и показывает новинки магазина в утреннем телеэфире. Мозг у нас – Мэтью. Он отвечает за счета, сайт и техническую поддержку подкастов. Ну а я, должно быть, – внутренние органы.

– Добрый день, – отвечает сестре женский голос.

Я не вижу, кто это, сидя на полу за вешалками с одеждой. Я знаю свое место – пусть сейчас выступает Киара.

– Я вас узнала, – говорит сестра. – Вы говорили речь на похоронах Энджелы.

– А вы тоже там были?

– Да, конечно, вместе с сестрой. Энджела фантастически поддерживала наш магазин. Нам очень не хватает и ее самой, и ее мощной энергии.

Тут я настораживаюсь.

– Значит, ваша сестра была на прощании?

– Да. Холли, она… она сейчас занята. – Киара, включив голову, решает, что я не стану разговаривать с этой женщиной. Я и ни с кем из домашних не стала обсуждать то, что случилось на похоронах две недели назад.

Я выполнила обещание. Я вернулась в магазин, к своей жизни, я изо всех сил стараюсь не думать про похороны, но, конечно же, последнее у меня не

выходит. Не вспоминать об этом выше моих сил. Энджелу явно вдохновил мой опыт, так что она, подражая Джерри, в свои последние дни подготовила для своей семьи то же самое. Это я понимаю. Чего я не понимаю, так это ее визитки. Зачем ей понадобился этот клуб «P. S. Я люблю тебя»? Все это время мне и хочется, и не хочется об этом узнать, и вот она я, сижу на полу, чтобы меня не видели, и в то же время жадно прислушиваюсь.

– А Холли… – начинает женщина, но вопрос повисает в воздухе. – Я не представилась. Меня зовут Джой. Энджела очень любила ваш магазин. Вы знали, что она выросла в этом доме?

– Нет! Она никогда об этом не говорила. Неужели? Просто не верится…

– Представьте себе, да. И это похоже на нее, не рассказать вам. Мы с ней дружили еще в школе. А я жила неподалеку, за углом… Мы совсем недавно познакомились с ней заново – жизнь свела. Но ей было приятно видеть свои вещи в доме, где прошло ее детство… Хотя тогда таких прекрасных вещей у нас, конечно, не было… У меня так и до сих пор нет.

– Надо же, просто не верится, – твердит Киара. Чувствуя, что дама вряд ли что-то купит, сестра проявляет свое обычное гостеприимство – вообще-то замечательное, но на этот раз решительно неуместное. – Не хотите ли чаю? Кофе?

– О, чай – было бы чудесно… с капелькой молока, если можно.

Киара удаляется в задние комнаты, а я слышу, как Джой ходит по магазину. Молюсь, чтобы она меня не обнаружила, но не тут-то было. Шаги приближаются. Смолкают. Я поднимаю голову.

– Вероятно, вы Холли, – говорит дама. Она опирается на трость.

– Здравствуйте, – отвечаю я так, словно и не подслушала их с Киарой беседу.

– Меня зовут Джой. Я подруга Энджелы Кэрберри.

– Соболезную вам.

– Благодарю вас. Это случилось так быстро. Не знаю, успела ли она переговорить с вами.

Будь я вежливой, поднялась бы на ноги, чтобы этой женщине с тростью не пришлось наклоняться. Но у меня нет сил быть любезной.

– О чем?

– О ее клубе. – И она вынимает из кармана визитку. Такую же, какую Гэбриел достал из конверта.

– Я получила от нее эту визитку, но представления не имею, о чем это.

– Она собрала… вернее, мы вместе с ней собрали группу людей, и все они – ваши горячие поклонники.

– Поклонники?!

– Мы слушали ваш подкаст и очень тронуты вашим рассказом.

– Благодарю вас.

– Не могли бы вы с нами встретиться? Понимаете, мне хочется продолжить доброе дело, начатое Энджелой… – Ее глаза наполняются слезами. – О, прошу прощения…

Появляется Киара с чаем.

– Джой, что такое? – вскидывается она, видя, что женщина плачет, а я застыла на полу с книгой в руке. Киара смотрит на меня со смятением и ужасом. На сестру с ледяным сердцем.

– Все в порядке. Правда, не беспокойтесь. Простите меня за несдержанность. Сейчас… я только переведу дух…

– Нет-нет, не уходите… Вот, пойдемте, я вас усажу. – Киара ведет Джой к креслу рядом с примерочной, так что я по-прежнему их вижу. – Присядьте и отдохните. Вот чай. Я принесу вам платок.

– Вы очень добры, – тихо благодарит Джой.

Я остаюсь на полу. Жду, когда Киара уйдет, и только потом спрашиваю:

– Что это за клуб?

– Разве Энджела вам не объяснила?

– Нет. Она оставила мне визитку, но больше мы не виделись.

– Жаль. Тогда позвольте, я объясню. Энджела вся светилась после того, как услышала вас. Она явилась ко мне с этой идеей, а уж если Энджеле Кэрберри что-то приходило в голову, она непременно добивалась своего. Такая уж она была – упорная, и не всегда по делу. Привыкла получать то, чего хотела.

Я вспоминаю, как Энджела стиснула мне руку, как ее ногти впились мне в ладонь. С настойчивостью, которую я трактовала неверно.

– Мы с Энджелой вместе учились в школе, но потом потеряли друг друга из виду, так бывает. А несколько месяцев назад мы встретились и, думаю, из-за того, что обе больны, сблизились больше, чем когда-либо раньше. Она услышала вашу историю, позвонила мне и все пересказала. И я воодушевилась не меньше. Я рассказала об этом людям, которым, на мой взгляд, это могло быть полезно.

Джой переводит дыхание, а вот я забыла и дышать. Грудь заломило, тело не слушается.

– Нас было пятеро… ну, теперь уже четверо. Ваша история показала нам свет, дала надежду. Видите ли, дорогая Холли, мы вместе, поскольку нас кое-что объединяет.

Я стискиваю книгу так, что она едва не гнется.

– У каждого из нас болезнь в терминальной стадии. Мы собрались вместе не только из-за надежды, которую вселила в нас ваша история, но и потому, что у нас общая цель. Мы хотим оставить родным письма. Так же, как сделал ваш муж. Холли, нам отчаянно нужна ваша помощь… Мы исчерпали свои идеи и… – она вздыхает, собираясь с силами, – и время наше почти вышло.

Я, оцепенев, молча перевариваю информацию. У меня нет слов.

– Я вас огорошила, простите меня, – смущенно говорит Джой. Она пытается встать, в одной руке чашка чаю, в другой трость. Но я только и могу, что смотреть на нее. Да, я и правда огорошена – до полной глухоты к печалям Джой и ее товарищей по клубу. Если что и чувствую, то раздражение: зачем она тащит все это в мою жизнь?

– Я вам помогу. – Киара кидается к ней, забирает чашку и придерживает под локоть.

– Если позволите, Холли, я оставлю вам свой телефонный номер. И если вы захотите… – Она смотрит на меня, чтобы я закончила за нее фразу, но я молчу. Я – сама жестокость. Я жду.

– Я принесу бумагу и ручку, – подскакивает Киара.

Джой записывает свои данные, а я лишь говорю «до свидания» ей вслед.

Тренькает колокольчик, хлопает дверь, каблучки Киары постукивают по деревянному полу. Наконец эти винтажные, сороковых годов, туфельки с открытым носком, которые она носит с чулками в сеточку, останавливаются возле меня. Сестра изучающе глядит на меня, и я стопроцентно уверена, что она все подслушала. Я отвожу глаза и ставлю книгу на полку. Вот сюда. Да, тут она смотрится лучше некуда.

Глава шестая

– Полегче с подливкой, Фрэнк, – предостерегает мама, пытаясь отобрать у отца соусник. Тот не отдает, намереваясь утопить в подливе воскресный обед, и в пылу борьбы из носика льется, тяжелые капли плюхаются на стол. Выразительно глянув на маму, отец подбирает их со скатерти пальцем и демонстративно его облизывает.

– А то всем не хватит, – говорит мама, протягивая соусник Деклану.

Деклан пальцем снимает потек с носика, слизывает подливку и опять тянет руку.

– Второй подход запрещен! – окорачивает его Джек, принимая у мамы соусник.

– Да я даже еще не пробовал! – огрызается Деклан, пытаясь добычу перехватить, но Джек уворачивается и наклоняет соусник над своей тарелкой.

– Мальчики, – вступает мама, – ну вот право же, ведете себя как дети…

Дети Джека хохочут.

– Оставь мне немножко! – просит Деклан Джека. – Разве в Лондоне нет подливки?

– Маминой – нет. – Джек подмигивает ей, потом понемногу наливает в тарелки детям и передает соусник своей жене, Эбби.

– Не хочу подливку, – тянет один из его сыновей.

– А я хочу! – хором заявляют Джек и Деклан.

– Пойду еще принесу, – вздыхает мама и спешит на кухню.

Все вгрызаются в еду, словно не ели неделю: папа, Деклан, Мэтью, Джек, Эбби и двое их детей. Мой старший брат Ричард задержался на спевке хора, а Гэбриел сегодня проводит день со своей дочерью Авой. Она, как правило, не хочет иметь с ним ничего общего, к тому же возраст у нее подростковый, так что Гэбриел этими встречами дорожит. Все поглощены едой, кроме Киары, которая не

переставая наблюдает за мной. Столкнувшись со мной взглядом, она отводит глаза и тянется к центру стола за салатной ложкой. Мама возвращается с кухни с двумя соусниками. Один ставит в центре, другой рядом с Киарой. Джек делает вид, будто претендует на него, отчего Деклан в панике вскакивает и хватается за соусник.

Джек хохочет.

– Мальчики, – увещевает мама, и они стихают.

Дети хихикают.

– Садись, мама, – мягко говорю я.

Оглядев свое энергично жующее семейство, она наконец усаживается рядом со мной во главе стола.

– Что это? – интересуется Киара, заглядывая в соусник.

– Веганская подливка, – с гордостью объявляет мама.

– Ох, мам, ты супер. – И водянистая мутная субстанция разливается по тарелке Киары, как суп. Киара с сомнением глядит на меня.

Я изображаю восторг.

– Наверно, я что-то не так сделала, – беспокоится мама. – Вкусно?

Киара осторожно пробует:

– Необыкновенно.

– Лгунья, – смеется мама. – Холли, ты что, не голодна?

Тарелка моя почти пуста, я даже еще не начала есть. Брокколи и помидоры – вот все, на что я могу смотреть без содрогания.

– Я плотно позавтракала, мам, – говорю я, – но стол, как всегда, красотища, спасибо.

Беру себя в руки и ем. Вернее, пытаюсь. Мама, которая правда прекрасно готовит (про веганскую подливку забудем), при всякой возможности собирает нас на воскресный обед, и мы это обожаем. Но сегодня, как и несколько последних недель, аппетита у меня нет.

Киара смотрит на мою тарелку, потом на меня. Она беспокоится. Они с мамой переглядываются, и что-то подсказывает мне, что Киара уже проболталась ей про клуб «P. S. Я люблю тебя».

– Я в порядке, – воинственно заявляю я и в доказательство своей стабильности запихиваю в рот целое соцветие брокколи.

– С чего это ты? – удивляется Джек.

Рот у меня набит, ответить я не могу, но глаза закатить с выражением отчаяния способна.

Джек поворачивается к маме:

– Что такое с Холли? С чего это она притворяется, что в порядке?

Я бурчу что-то невнятное, стараясь дожевать поскорей, чтобы прекратить этот разговор.

– У Холли все отлично, – спокойно говорит мама.

Но тут включается Киара и дает быстрый мощный залп:

– Женщина, которая умерла от рака, организовала клуб «P. S. Я люблю тебя» для людей, умирающих от неизлечимых болезней, и они хотят, чтобы Холли помогла им написать письма тем, кого они любят. – По ее лицу видно, с каким облегчением она освободилась от этой информации и как боится того, к чему ее выходка приведет.

Едва не подавившись, я проглатываю наконец свою брокколи.

– Да блин же горелый, Киара!

– Извини, но мне пришлось! – Киара вскидывает руки, словно бы защищаясь.

Дети хохочут над моим лексиконом.

– Прости, Эбби, – хрипло говорю я их маме и откашливаюсь. – Парни, я в порядке. Правда. Давайте-ка сменим тему.

Мэтью с осуждением смотрит на свою болтушку-жену. Киара совсем сникает.

– Так ты будешь помогать этим людям с письмами? – спрашивает Деклан.

– Не хочу это обсуждать, – заявляю я, отрезая дольку от помидора.

– С кем? С ними или с нами? – уточняет Джек.

– Ни с кем!

– Значит, ты им не поможешь? – включается мама.

– Нет!

Она кивает с совершенно непроницаемым лицом.

Мы молча жуем.

Я ненавижу, когда у нее это непроницаемое лицо.

– А что, ты считаешь, что я должна? – сдаюсь я.

Все за столом, за исключением мальчишек и Эбби, которая слишком умна, чтобы влезать, отвечают одновременно и так, что ни единого слова не разберешь.

– Я вообще-то маму спросила.

– А тебе неинтересно, что думаю я? – спрашивает отец.

– Ну конечно интересно!

Но он, уязвленный, утыкается в свою тарелку.

– На мой взгляд, – вдумчиво говорит мама, – ты должна делать то, что, как ты считаешь, правильно для тебя. Я, ты же знаешь, в ваши дела не лезу. Но раз уж ты спросила, скажу: если из-за этого ты так… – критически оценив мою тарелку, она переводит взгляд на меня, – ты так расстроена, то тогда это плохая идея.

– Она же сказала, что завтракала! – защищает меня Мэтью, и я смотрю на него с благодарностью.

– А что именно ты ела? – интересуется сестрица.

Я закатываю глаза.

– Полный английский завтрак, Киара. Целая сковородка поджарки с кусками свинины, свиной кровью, беконом и яйцами, и все прокипело в масле. В коровьем масле, Киара.

Это вранье. Завтрак в меня тоже не полез.

Киара отвечает мне самым свирепым взглядом.

Дети снова хохочут.

– Можно, я сниму фильм про то, как ты им помогаешь? – жуя, спрашивает Деклан. – Отличная выйдет документалка!

– Не разговаривай с набитым ртом, Деклан, – одергивает его мама.

– Нет, нельзя. Потому что я этого делать не буду, – отвечаю я.

– А что об этом думает Гэбриел? – спрашивает Джек.

– Не знаю.

– Она еще ничего ему не сказала! – ябедничает Киара.

– Холли? – удивляется мама.

– Зачем ему об этом рассказывать, если все равно ничего не будет, – протестую я, но знаю, что не права. Мне следовало это с ним обсудить. Он же не идиот и явно подозревает: что-то со мной случилось. Еще до того, как Джой рассказала о клубе, с тех самых пор, как больше месяца назад я положила трубку после разговора с мужем Энджелы, я стала сама не своя.

Все угомонились и сидят тихо.

– А меня ты так и не спросила, – нарушает тишину папа, оглядывая всех по очереди так, словно каждый здесь задел его чувства.

– И что же ты думаешь, па? – в изнеможении спрашиваю я.

– Нет-нет! Сразу видно, что тебе это неинтересно! – Он тянется к соуснику и сдабривает подливкой вторую порцию ростбифа.

Я яростно пронзаю вилкой еще одно соцветие брокколи.

– Па, ну скажи же!

Он смиряет гордыню.

– Я так думаю, что, похоже, это добросердечный жест по отношению к тем, кто нуждается в заботе, да и тебе самой будет не вредно принести людям пользу.

Джек вроде бы тираду отца не одобряет. Мама снова непроницаема; она сначала обдумает дело со всех сторон, а уж потом выскажется.

– Посмотри на нее, Фрэнк, она и так уже ничего не ест, – тихо произносит она.

– Разве? Да она заглотила почти всю капусту, – подмигивает мне папа.

– И на этой неделе выставила на продажу шесть треснутых чашек, – подсыпает на рану соли сестрица. – Рассеянна до невозможности от одной мысли об этом.

– Ну, некоторые любят треснутые чашки, – парирую я.

– Да? Кто же?

– Красавица и чудовище, – отвечает Мэтью, намекая на диснеевский мультик.

Дети хохочут.

– Голосуем! Кто за эту идею? – бросает клич Киара.

Дети вскидывают руки первыми, Эбби тут же их опускает.

Папа вздымает вилку. Деклан – тоже. Мэтью, похоже, с ними, но Киара сверлит его взглядом. Он отвечает ей тем же и руки не поднимает.

– Нет, – твердо говорит Джек. – Я против.

– И я, – подхватывает Киара. – Не хочу потом быть виноватой, если что-то пойдет не так.

– Да при чем тут ты! – сердито бормочет Мэтью.

– Очень даже при чем. Она моя сестра, и я не хочу отвечать за то, что…

– Всем добрый вечер! – раздается из прихожей голос Ричарда. Он вырастает в дверях, оглядывает нас всех и чует неладное. – Что тут у вас происходит?

– Ничего! – хором говорим мы.

Я в магазине одна. Сижу на табурете за кассой, смотрю в никуда. Киара и Мэтью отправились забрать вещи у семьи, которая жила рядом, а теперь переезжает и избавляется от всего лишнего. Посетителей нет, уже целый час никого. Я разобрала все мешки и коробки, отложила все ценное и обзвонила владельцев договориться об условиях продажи. Начистила все поручни и перекладины, одну штучку передвинула на дюйм влево, другую – на дюйм вправо. Больше делать мне нечего. Тут звонит колокольчик, дверь отворяется, и в магазин входит молодая девушка, точнее девочка-подросток, тоненькая, длинненькая, в потрясающем, черном с золотом, тюрбане на голове.

– Здравствуйте! – Я изображаю приветливость.

Она улыбается – до того застенчиво, что я отвожу взгляд. Есть посетители, которым нравится, когда им оказывают внимание, и чем больше, тем лучше, а другие предпочитают, чтобы их оставили в покое. Я присматриваюсь к ней, когда она этого не видит. На груди у нее, в рюкзаке-кенгурушке, – младенец. Ему всего несколько месяцев, он смотрит наружу, пухлые ножки в ползунках колотят воздух. Его мать – если она мать, конечно, на вид слишком молода, но кто ж ее знает, – наловчилась стоять боком так, чтобы малыш не мог ни до чего дотянуться. Девчонка то и дело взглядывает на меня, потом на вешалки, потом снова на меня. Как будто ее интересует одежда, но на самом деле интересую ее я. Уж не собирается ли что-нибудь стянуть, думаю я; иногда у магазинных воришек именно такой взгляд, отслеживающий, где сейчас продавец. Младенец вскрикивает, проверить, на месте ли голосок, и она дает ему свою руку. Маленькие пальчики хватаются за ее палец.

Когда-то я хотела ребенка. Десять лет назад. Так хотела, тело мое каждый день взывало ко мне: дай мне дитя. Эта жажда исчезла, когда Джерри заболел. Оно переродилось в стремление сделать что угодно, лишь бы он выжил. Вся энергия всех моих желаний была направлена на это, и когда он ушел, жажда иметь ребенка умерла вместе с ним. Я хотела ребенка от Джерри, а его больше не было. Я гляжу на пухлого, славного малыша, и какая-то искра вспыхивает внутри меня, напоминает о прежних мечтах. Мне сейчас тридцать семь, это еще может случиться. Я переезжаю к Гэбриелу, но не думаю, что мы оба готовы к чему-то подобному. Ему хватает сложных отношений с той дочерью, которая у него уже есть.

– Я не собираюсь ничего воровать. – Девушка выводит меня из транса.

– Простите?

– Вы все время пялитесь. Я ничего не украду, – с обидой повторяет она.

– Простите… нет, я не пялюсь… просто задумалась, – оправдываюсь я и встаю. – Я могу вам чем-то помочь?

Она долго смотрит на меня, словно оценивая, словно решая что-то про себя, и отрезает:

– Нет.

Идет к выходу, звякает колокольчик, хлопает дверь. Я смотрю на закрытую дверь и вдруг вспоминаю: она бывала здесь раньше. Несколько недель назад, может быть, на прошлой неделе, и точно так же бродила тут с ребенком и все разглядывала. И точно, Киара тогда похвалила ее тюрбан и потом сама, вдохновившись, с неделю ходила, намотав на голову шарф в красно-белый горох. Девушка ни разу ничего не купила. Ничего удивительного, люди часто бродят по секонд-хендам из любопытства: смотрят, что у других когда-то было и от чего они отказались, как эти другие жили. Есть в подержанных вещах что-то особенное. Одни видят в них дополнительную ценность, для других же использованное – значит грязное. А есть те, кому просто нравится бывать среди таких вещей. Но девочка права. Я и в самом деле сомневалась на ее счет.

В окно видно, как Мэтью паркует фургон у магазина. Из кабины выскакивает Киара в кроссовках и в сверкающем комбинезоне родом из восьмидесятых. Они открывают задние дверцы и вытаскивают добычу.

– Привет, Дэвид Боуи.

Сестра расплывается в улыбке.

– Слушай, мы там нарыли такие сокровища! Тебе понравится. Как тут, что-нибудь интересное было?

– Нет, все тихо.

– Черта лысого у кого-нибудь больше ковров, чем у нас в доме! – со своим сильным австралийским акцентом бросает Мэтью, пробегая мимо с двумя свернутыми в рулон коврами под мышкой.

Лысого. Лысый. Поневоле вспомнишь похороны Энджелы, демонстрацию париков, письма, приклеенные к лысым головам манекенов.

– Ты в порядке? – настораживается Киара.

– Да.

Она спрашивает об этом каждые десять минут, а дождавшись, когда Мэтью скроется в кладовой, говорит:

– Я только хочу сказать, Холли, что мне ужасно неловко. Извини. Прости меня. Я понимаю, что это все из-за меня.

– Киара, перестань.

– Нет, не перестану. Если это я вернула тебя в тот ад, если это я все испортила, ради бога, прости меня. Скажи, как мне все исправить.

– Брось, ничего такого ты не сделала. Случилось то, что случилось, и ты в этом нисколько не виновата. Но если сюда явится Джой или еще кто-нибудь из клуба, сделай милость, скажи им, что мне это неинтересно. Хорошо?

– Да, конечно! Я так и сказала вчера этому типу, чтобы он не приходил больше.

– Какому типу?

– Он сказал, что из клуба. Зовут его… ну, не важно, как там его зовут. Он не вернется. Я очень доступно попросила его оставить тебя в покое, особенно на работе.

Я закипаю.

– Значит, они сюда повадились.

– Они?

– Члены клуба. Без вас сегодня приходила девица. Странно так на меня смотрела. Обвинила меня в том, что я подозреваю ее в воровстве. Тоже из этих, наверно.

– Нет… – Во взгляде Киары тревога. – Холли, ты ведь не думаешь, что каждый, кто заходит сюда и на тебя смотрит, – он оттуда?

– Та женщина сказала, что в клубе их было пятеро, четыре человека осталось. Мои духи Рождества – прошлых лет, нынешний и будущий, – все они уже нанесли мне визит. Понятно же, что они не оставляют меня в покое, правда? – риторически вопрошаю я, тревожа прах Диккенса и клокоча от гнева из-за того, что нарушена моя прекрасная, нормальная, налаженная, счастливая, перспективная жизнь. – Знаешь что? Я с ними встречусь. Я пойду в этот маленький клуб и недвусмысленно потребую, чтобы они от меня отстали. Где там у тебя номер этой женщины?

И я начинаю рыться по ящикам.

– Джой, – озабоченно говорит Киара, – а может, лучше оставить как есть? Мне кажется, до них рано или поздно дойдет…

Я нахожу листок с номером и хватаю свой телефон.

– Извини, – стремительно иду к двери, чтобы поговорить без свидетелей.

– Холли, – окликает меня Киара. – Не забывай, они больны. Это не злые люди, Холли! Держи себя в руках.

Я выхожу, закрываю дверь и, набирая номер Джой, иду подальше от магазина. Я хочу, чтобы она отстала от меня раз и навсегда.

Глава седьмая

Клуб «P. S. Я люблю тебя» собирается у Джой в оранжерее, утреннее первоапрельское солнце нагревает стеклянное помещение. Лабрадор с золотистой шерстью дремлет в солнечном пятне посреди комнаты. Нам приходится его обходить. Я смотрю на членов клуба, они сидят передо мной. Мне тошно, неловко, я растеряна. Я договорилась о встрече с Джой, чтобы изложить ей мой продуманный, отрепетированный, вежливый, но непреклонный отказ иметь с ними хоть что-то общее, но я никак не рассчитывала, что соберутся все. Очевидно, она истолковала мою просьбу абсолютно наоборот. Теперь я горько жалею, что поцеремонилась, не сказала ей все как есть по телефону, а заявилась сюда, чтобы достойно поговорить с глазу на глаз.

– Старый ты лентяй. Верно, дружок? – говорит Джой, с любовью глядя на пса, и ставит на стол рядом со мной чашку чаю и тарелку с горкой печенья. – Мы взяли его, когда узнали мой диагноз. Решили, он нас поддержит, будет всех отвлекать, и так оно и вышло. Ему уже девять, – со значением добавляет она. – У меня рассеянный склероз.

Берт, крупный мужчина под семьдесят, в носу кислородная трубка, вступает следующим.

– А я – так слишком красив, себе же на беду, – говорит он, подмигивая.

Пол и Джой хмыкают, Джиника закатывает глаза, тинейджер среди стариков с их дурацкими шутками. Да, насчет этой девочки я оказалась права. Все-таки я не параноик. Я вежливо улыбаюсь.

– Легкие. Эмфизема, – поясняет Берт, посмеиваясь над своей шуткой.

Следующий – Пол. Он моложе, чем Берт и Джой, примерно мой ровесник. Привлекателен и обманчиво здоров на вид. Он второй таинственный посетитель, которого Киара так ловко отшила.

– Опухоль головного мозга.

Красивый, молодой. Опухоль мозга. Совсем как Джерри. Нет, это слишком. Надо уходить. Но как улучить момент, чтобы сбежать, когда молодой мужчина рассказывает тебе о своей болезни?

– Моя ситуация, впрочем, отличается от других, – добавляет он. – У меня ремиссия.

О, это уже лучше.

– Здорово!

– Да, – говорит он без всякой радости. – Это уже вторая ремиссия, при опухолях мозга такое бывает. В первый раз я не был готов уйти. А теперь, если случится обострение, хочу заранее привести все в порядок, чтобы семья не страдала.

Я киваю. Сердце сжимается: даже в ремиссии он готовится к смерти, на тот случай, если опасность не миновала.

– У моего мужа была первичная опухоль мозга, – пытаюсь я поддержать разговор, но как только слова слетают с моих губ, понимаю, до чего они неуместны. Ведь все знают, что Джерри умер.

Я пришла сюда, чтобы покончить с этой историей, прежде чем включусь в нее эмоционально. Но, едва войдя в дверь и увидев этих людей, я поняла, что отсчет пошел. Песочные часы перевернуты. И теперь, когда с еле различимым шорохом ссыпаются песчинки, я надеюсь, что мой сегодняшний визит – это все, что от меня требуется. Я сниму с себя груз вины, постараюсь чем-то помочь – и вернусь к своей жизни. На все уйдет час, не больше.

Перевожу взгляд на девочку с ребенком, Джинику. Может быть, на этом они перестанут меня преследовать. Нет, им придется перестать, потому что я твердо попрошу их об этом. Малышка Джуэл тихонько сидит на коленях матери, играет браслетами на ее запястье. Чувствуя на себе общее внимание, Джиника произносит, уставившись в пол:

– Рак шейки матки.

Говорит она сквозь зубы. Видно, что ей не по себе.

Хорошо. Отлично. Скажи им – и на этом всё. Скажи, что не хочешь здесь быть, что помочь не можешь. Устанавливается молчание.

– Как видите, все мы на разных стадиях нашей болезни, – вступает Джой, главный голос группы. – Рассеянный склероз не смертелен, но неизлечим, и процесс в последнее время прогрессирует. Энджеле, как нам казалось, лечение хорошо помогало, но потом она стала стремительно сдавать. Пол в прекрасной физической форме, но… кто его знает… мы все постоянно то вверх, то вниз, верно? – ищет она поддержки у остальных. – Думаю, я вправе сказать за всех нас, что не знаю, сколько полноценного времени нам осталось… И все-таки мы еще здесь, и это главное.

Все согласно кивают, кроме Джиники, для которой это точно не важнее всего.

– Некоторые из нас придумали, что будет в их письмах, другие – нет. Мы будем благодарны, если вы нам поможете.

Это окошко, в которое я еще могу выскочить. Они люди, они поймут, а если и нет – какое мне дело! Ведь их не волнует моя психическая устойчивость, а я должна заботиться прежде всего о себе. Я сажусь ровнее.

– Я должна вам объяснить…

– Вот у меня есть идея, – перебивает меня Берт. Он задыхается, когда говорит, что никак не сказывается на обилии слов. – Это «охота за сокровищами» для моей жены Риты, и вы бы мне пригодились, чтобы разбросать подсказки по всей стране.

– По всей стране?!

– Это будет как викторина, как пасхальная охота за яйцами. Вот, к примеру, первый вопрос: в каком сражении погиб Бриан Бору? [1 - Бриан Бору (926 или 941 – 23 апреля 1014) – верховный король Ирландии, в 1014 г. разбил датчан при Клонтарфе и в этой битве погиб. После его смерти Ирландия вновь распалась. – Прим. перев.] Рите придется поехать в Клонтарф, и там будет ее ждать мой

следующий вопрос. – Тут его сотрясает приступ кашля.

У меня начинает дергаться глаз. По всей стране – этого еще не хватало.

– Слушай, а ты жмот, – поддразнивает его Пол. – Нет бы послать Риту на Лансароте, как Джерри отправил Холли.

– Отстань, – отмахивается Берт, скрещивает руки на груди и переводит взгляд на меня. – А чего это он послал вас туда?

– У них был там медовый месяц, – отвечает Пол за меня.

– О да! – Джой мечтательно прикрывает глаза. – И вы там видели дельфинов, правда?

У меня голова кругом оттого, что они рассуждают о моей жизни так, словно это какой-то эпизод из телевизионного реалити-шоу. Треплются, как у кулера в офисе.

– Он оставил билеты у турагента, чтобы она их забрала, – сообщает Джиника Берту.

– А, ну да, – припоминает он.

– А какая там связь с дельфинами? Вы не рассказали об этом в подкасте, – говорит мне Пол, протягивая руку за шоколадным печеньем. Они все на меня смотрят, и я совершенно теряюсь. Это выше моего понимания: как можно вот так запросто обсуждать чужие письма! Конечно, я кратко рассказывала о них в магазинчике Киары, где нас слышали тридцать человек. Но я как-то упустила, что, загруженный в разные девайсы, рассказ этот пойдет дальше, что люди станут слушать его у себя дома для развлечения. И то, что они вскользь, как нечто вполне обыденное, упоминают самые важные, самые глубокие и самые темные переживания моей жизни, как бы изымает меня из реальности, словно я покинула тело.

Я рассматриваю их, одного за другим, пытаясь подстроиться под темп разговора. Вопросы летят в меня, словно у нас викторина на скорость. Я и хотела

бы ответить, но не поспеваю. Мою жизнь не вместить в торопливый односложный ответ, она требует контекста, общего плана, мизансцен, пояснений и эмоционального отклика, а не скорости пулеметной перестрелки. Мне взрывает мозг сам факт, что они говорят о письмах, о том, как их написать и оставить, так бесцеремонно, по-свойски. Хочется встряхнуть их всех и спросить, слышат ли они себя вообще.

– А вот я бы хотела спросить вас о том письме с семечками подсолнуха. Это что, в самом деле ваш любимый цветок? – интересуется Джой. – А Джерри попросил вас их посадить? По-моему, это прекрасно. Я бы хотела, чтобы Джо посадил дерево или куст в мою память, и тогда они смотрели бы на него каждый день и думали бы о…

– О том, сколько лет вас уже нет, – на автомате перебиваю ее я, и голос мой звучит резче, чем хотелось бы.

– О! – Она не скрывает разочарования. – Нет, я не так это дерево себе представляла. Только как напоминание обо мне. – И Джой оглядывается на участников клуба.

– Но они и так будут вас помнить. Они будут помнить вас каждую секунду каждого дня. Даже если и хотели бы, забыть не смогут. Запахи, вкусы, звуки – абсолютно все в их жизни будет связано с вами. Некоторым образом вы будете преследовать их – как призрак. Вы постоянно будете в их мыслях – помимо их воли, потому что они поймут: вы должны уйти, чтобы для них жизнь продолжалась… Но будут и такие дни, когда им потребуется, чтобы вы были рядом, чтобы справиться с чем-то, и вы им в этом поможете. Порой они займутся чем угодно, лишь бы не думать о вас. В общем, чтобы помнить вас, им не понадобятся ни добавочные деревья, ни викторины. Ясно?

Джой быстро, мелко кивает, и я понимаю, что почти кричу. Злюсь, хотя я не хотела этого. Я беру себя в руки. Моя взрывная реакция и резкость – неожиданность для меня самой.

– Холли, а вам вообще нравилось получать письма Джерри? – прервав неловкое молчание, спрашивает меня Пол.

– Ну конечно же, да! – с вызовом отвечаю я. Еще бы не нравилось. Я ради них жила.

– Но, понимаете, прозвучало это так, словно… – начинает Пол, но Джой, положив руку ему на колено, заставляет его умолкнуть.

– И как же это прозвучало?

– Да ладно, не важно! – вскидывает он руки, сдаваясь.

– Пожалуй, вы правы, Холли, – медленно и задумчиво говорит Джой, внимательно глядя на меня. – Боюсь, они расценят это скорей как знак смерти, как надгробие, как напоминание о том, что я была, а теперь меня нет. Ведь вы так воспринимали подсолнухи?

Ох, как мне не по себе.

– Нет. Подсолнухи мне нравятся. – Мои слова звучат так настороженно, словно произношу я их сквозь броню. – Я сажаю их семена каждый год, в один и тот же день. Джерри мне этого не подсказывал. Я просто решила делать так.

Джой, впечатленная идеей, делает заметки в тетради. Я держу при себе, что на самом деле это затея моего брата Ричарда. Это он посадил семечки, он ухаживал за побегами, когда они проклюнулись. Но я на них смотрела. Смотрела всегда. Иногда видеть их не могла, порой меня так к ним и тянуло; в хорошие дни я их едва замечала.

Пока я корчусь от неловкости, Джой продолжает размышлять вслух:

– Сажать что-нибудь в землю ежегодно, в определенный день. Может быть, в день моей смерти? О нет… – прервавшись, она наставляет на меня кончик ручки. – Нет, в мой день рождения. Так позитивнее.

Я вяло киваю.

– Для таких дел у меня маловато воображения, – вздыхает она.

– У меня его навалом, – говорит Берт, теперь его очередь занимать оборону. – Я все распланировал. Это пришло мне в голову, когда я был в пабе. Там викторины бывают, и это очень мне нравится. Рита хоть развлечется, мы так давно не путешествовали из-за этой моей штуки, – и тычет большим пальцем в свой кислородный баллон.

– А что, если она не знает ответов? – интересуюсь я.

Все они на меня смотрят.

– Конечно, знает! Это простая викторина на общую эрудицию. Где Бриан Бору потерпел поражение? Какая группа островов дала название свитеру? Откуда родом Кристи Мур? И тут она рванет в Лимерик за следующим письмом.

– Кристи Мур из Килдэра, – говорю я.

– Что? Нет! Уж я-то знаю, я все время слушаю его песни.

Пол утыкается в телефон и гуглит ответ.

– Килдэр.

– Какого черта, Берт! – закатывает глаза Джиника. – Так не пойдет! Вы хоть бы сами знали ответы на свои идиотские вопросы! И потом, на какой именно из Аранских островов она отправится? И куда там пойдет? Она найдет ваше письмо на земле, сойдя с трапа? Или оно будет в бутылке качаться на волнах? Надо это продумать.

Пол и Джой смеются. Я не могу. Это какой-то дурной сон. Как меня угораздило участвовать в этом бреду?

– Ладно вам, перестаньте! – сердится Берт.

– Слава богу, есть Холли, чтобы наставлять нас, – хмурится Джой и переводит на меня озабоченный взгляд, словно бы говоря: видишь, вот почему ты нам нужна.

У нее все основания тревожиться. Это серьезно, пора прекращать этот балаган. Я нужна, чтобы помочь им сменить оптику.

– Послушайте, Берт, а если ваша жена и вправду не знает ответов? Представьте, у нее и без того горе, а тут еще эта головоломка! У нее будет стресс, словно заваливаешь экзамен. Может, вам написать ответы и оставить их у кого-нибудь?

– Ну, тогда она смухлюет! – восклицает он. – Весь смысл в том, чтобы выманить ее отсюда и чтобы она пораскинула мозгами. – Он снова разражается кашлем.

– А оставь свои ответы у Холли, – советует Джой. – Если Рита забуксует, она сможет ей позвонить.

Меня подташнивает. Сердце колотится. Я здесь только на час, на один час, не больше. Скажи им об этом, Холли, скажи им.

– Холли, вы станете хранительницей наших заметок, ладно? – Берт отдает мне честь. – Когда мы уйдем на войну.

Нет, такого я не планировала. Я убедила себя, что посижу с ними часок, послушаю, что они надумали насчет писем, дам несколько советов, а потом исчезну из их жизни. Я не хочу вкладываться. Если бы Джерри советовался с кем-то, когда писал письма, я бы потом, после всего, замучила бы этого человека вопросами. Я бы хотела знать все, выпытывала бы каждую подробность – как они общались втайне от меня. Помню, я почти пригласила к себе на Рождество Барбару из турагентства, пыталась втянуть ее в свою жизнь, пока не спохватилась, какой груз на нее вешаю. Она уже рассказала мне все, что могла. Я выжала ее досуха, снова и снова умоляя поделиться тем, что было для нее простым эпизодом.

И вот эти чужие мне люди сидят и планируют, как я возьму на себя роль посредника, когда их не станет. Они умрут, и совет, который я им дала, будет влиять на жизнь их родных чем дальше, тем больше. Нет, надо идти, пока я не натворила тут дел, пока еще не поздно. Я должна следовать своему плану. Я здесь, чтобы сказать им «нет».

– Ох, смотрите-ка, – говорит Джой, выливая из чайника остатки в свою чашку так, что льется через край и в блюдце натекает лужица. – Чай закончился.

Холли, вам не трудно?

Как во сне беру заварочный чайник и, переступив через собаку, выхожу из оранжереи. Пока вода закипает, я, стоя рядом, размышляю, как бы выбраться из этого кошмара. Чувствую себя словно в западне и уже паникую. Дверь кухни открывается: какой-то мужчина на пороге вытирает ноги о коврик и входит. Я открываю рот, чтобы его поприветствовать.

– О, – говорит он, – здравствуйте. Вы, верно, из книжного клуба?

– Д-да, из книжного, – запинаюсь я, ставлю чайник на стол и вытираю руки о джинсы.

– Я Джо, муж Джой.

– Меня зовут Холли.

Он пожимает мне руку и пристально на меня смотрит:

– А вы выглядите… хорошо… Холли.

– Уж куда лучше! – смеюсь я и только потом понимаю, о чем он. По идее, он не должен знать, что скрывается за мифическим книжным клубом. Но то, что его участники нездоровы, Джо определенно заметил.

– Рад это слышать.

– На самом деле я как раз собралась уходить, – говорю я. – Просто хотела долить чайник. Опаздываю на встречу. Насчет работы. Я уже дважды ее отменяла и теперь точно не могу перенести, – плету я.

– Что ж, бегите, важные встречи пропускать не стоит. Я сам заварю чай.

– Спасибо. – Я протягиваю ему чайник. – Вас не затруднит передать остальным мои извинения за то, что мне пришлось уйти?

– Ни в коем случае, – говорит он.

Я пячусь к входной двери. Можно смотаться прямо сейчас. Но что-то в движениях Джо заставляет меня остановиться и присмотреться к нему.

Он открывает один шкаф, потом другой. Чешет в затылке.

– Чай, значит, да? – бормочет он, выдвигая ящик. Опять чешет. – Что-то я не уверен…

Я возвращаюсь, дотягиваюсь до того шкафчика, что над чайником, и обнаруживаю там нужную коробку.

– Вот он.

– Ах, вот оно где, – вздыхает Джо, задвигая нижний ящик с кастрюлями и сковородками. – Чай у нас всегда заваривает Джой. Наверно, им нужна сахарница. – И снова открывает ящик за ящиком. Оглядывается на меня. – Бегите же! Не хватало еще опоздать!

Я распахиваю ту же дверцу. Сахарница рядом с чаем.

– Нашлась.

Он резко поворачивается и сбивает вазу с цветами. Схватив посудное полотенце, я тороплюсь на выручку и вытираю им воду, после чего полотенце годится только в стирку.

– Где тут у вас стиральная машина?

– О, пожалуй… – неуверенно оглядывается Джо.

Я открываю деревянный шкаф рядом с посудомойкой и обнаруживаю стиральную машину.

– Ага, вот и она, – констатирует Джо. – Слушайте, вы ориентируетесь лучше меня. Правду сказать, здесь все делает Джой, – виновато признается он, как будто я сама не догадалась бы. – Всегда говорит, что я без нее пропаду.

Похоже, это старая, затертая присказка, но, надо сказать, теперь она исполнена смысла. Та жизнь с Джой, к которой он привык, идет к концу. Это правда.

– Как она справляется? – спрашиваю я. – По виду, настроена вполне позитивно.

– Джой всегда оптимистка, во всяком случае при других, но сейчас ей труднее. Был период, когда ничего не менялось, стояло на месте. Мы думали, так оно и будет, но потом что-то сдвинулось – и она стала сдавать.

– Сочувствую, – говорю я. – Вам обоим.

Джо, пожевав губами, кивает.

– Но зато я знаю, где молоко! – торжествует он и рывком открывает дверцу.

Оттуда вываливается щетка на длинной ручке.

Мы оба хохочем.

– Вы бы уже бежали, а? – спохватывается он. – А то останетесь без работы.

– Да ладно, – вздохнув про себя, я поднимаю щетку. Желание спасаться рассосалось. – Работа подождет.

Вернувшись со свежезаваренным чаем, я вижу, что Берт иссяк. Энергия, которой неведомое мне лекарство зарядило его на час, исчерпалась, теперь он без сил. Словно предвидя это, за ним приезжает сиделка.

– Обсудим подробности на следующей встрече, ладно? – Берт постукивает пальцем по носу, призывая хранить секрет, но выглядит это очень наивно. Кивком он указывает на сиделку, которая разговаривает с Джо в коридоре. При

каждом движении его подбородок дрожит. – Но только не у меня дома, чтобы Рита не заподозрила.

– Здесь, – заверяет Джой. – Мы встретимся здесь же.

– Это нечестно по отношению к тебе, Джой, – говорит Пол.

– Я могу подхватить дела за Энджелой. Я на этом настаиваю, – решительно заявляет она. Очевидно, на это у нее есть другие причины, кроме того, чтобы оставаться у себя дома. По крайней мере, мне это ясно.

– Годится, – соглашается Берт. – Так что, через два дня? В то же время? Если встретиться завтра, Рита начнет ревновать меня к Джой. – Он снова хмыкает и подмигивает. – Вы же придете, Холли?

Снова все на меня смотрят.

Я не должна в это ввязываться. Я не хочу в это ввязываться. Это нездорово.

Но все глядят на меня с надеждой и ожиданием. Дочка Джиники, Джуэл, лепечет что-то односложное, гулит, словно и она убеждает меня влиться в группу. Весело пускает пузыри. Ей шесть месяцев. Когда умрет мама, ей будет год.

Я перевожу взгляд с одного на другого. Вот же компания! Берт еле дышит, Джой с трудом держит спину. Я такое уже видела. Я знаю, как стремительно пролетают полгода, как быстро все разваливается, как тело сгорает в две недели, как двадцать четыре часа решают все.

Как-то я читала статью о том, как примерно раз в год земное время синхронизируют со временем Вселенной. Называется это «секунда коррекции»: поправка в одну секунду, применяемая к координированному всемирному времени, потому что скорость вращения Земли изменяется неравномерно. Дополнительная секунда вставляется между 23:59:59 и 00:00:00 следующего дня, на мгновение продлевая нам жизнь. Журналисты задались вопросом: что может случиться за секунду? Чего можно добиться за это время?

За секунду рассылается почти два с половиной миллиона имейлов. Вселенная расширяется на пятнадцать километров. Взрываются тридцать звезд. Пчела двести раз взмахивает крылышками. Самая быстрая улитка проползает сантиметр и три миллиметра. Предмет, падая, пролетает шестнадцать футов. И чье-то «выйдешь за меня?» может изменить жизнь.

Четыре младенца рождаются. Два человека умирают.

В одну секунду вмещается граница между жизнью и смертью.

В лицах, обращенных ко мне, – надежда.

– Давайте-ка дадим Холли время на раздумье, – тихо говорит Джой, но она очевидно разочарована. Они от меня отвязались.

Глава восьмая

Гнев вернулся и пробирает меня насквозь. Я в бешенстве. Я киплю. Мне хочется визжать. Прежде чем ехать домой, надо прооораться, выплакаться, переключиться. Мой велосипед точно не выдержит лишнего груза неуравновешенных кипящих эмоций. Уезжаю от дома Джой так, чтобы увидеть его, соскакиваю с седла, бросаю велик лежать где упал и сажусь на корточки, неудобно привалившись спиной к белому щиту с рекламой попкорна. Клуб «P. S. Я люблю тебя» – это, конечно, не Джерри. Но эти люди и в самом деле олицетворяют его, его жизнь, его страдания, его борьбу и его намерения. В глубине сердца я всегда чувствовала, что смысл писем Джерри – направлять меня, тогда как этими людьми руководит страх, что их забудут. Это разрывает мне сердце, ввергает в ярость. Потому что, Джерри, любовь моя, неужели ты думал, что я забуду тебя, что я смогу забыть тебя?

Корни моего гнева, возможно, в том, что я солгала Киаре: сказала, что больше не чувствую его рядом. Нет, забыть я его никогда не смогу, но Джерри и правда… размывается. Хотя он жив в историях, которые произошли с нами обоими, и в моей памяти, мне все труднее вызывать к жизни живой, подвижный, пластичный, яркий образ Джерри. Я не хочу его забывать, но чем сильнее

удаляюсь я от нашей общей жизни, тем больше набираюсь нового опыта, и новое вытесняет старое. Вот продам дом, перееду к Гэбриелу… Жизнь сама не дает мне стоять на месте и вспоминать, вспоминать… Нет. Я решила, что не позволю себе замереть и увязнуть в воспоминаниях. Ждать… ждать чего? Воссоединения в смерти, в котором я вовсе не уверена?

– Эй! – слышу я и в страхе вскакиваю на ноги.

– Ох, Джиника, ты меня напугала.

Она оглядывает брошенный велик, оценивает, где я стою, как я стою. Возможно, вот так, с глазу на глаз, она видит скрытое.

– Вы не вернетесь к нам, да?

– Сказала же, что подумаю, – вяло отвечаю я. Они меня достали. Меня трясет. Черт возьми, я уже не знаю, чего сама хочу.

– Нет. Не вернетесь. Ну и ладно. Это и вправду неадекват, верно? Все мы. Но все-таки это хоть какое-то дело. Есть чем заняться, подумать об этих письмах.

Я перевожу дыхание. Я не могу сердиться на Джинику.

– Ты уже решила, что хочешь сделать?

– Да. – Она половчее перехватывает Джуэл, которую несет на бедре. – Но у меня ничего особенного, не то что у других.

– И не нужно особенного. Просто должно быть что-то твое. В чем идея?

– Всего лишь письмо. – Джиника, смущаясь, прячет глаза. – Всего одно. От меня, для Джуэл.

– Отлично. Лучше не придумаешь.

Похоже, она собирается что-то сказать, и я настораживаюсь. Она сильная, крепкая, рвет подметки на лету. А на бедре у нее – ребенок, которого она родила.

– Вы там сказали, что все будут помнить нас, когда мы умрем. Это неправда. Вот она не будет меня помнить. – Девушка крепче обнимает малышку. – Ничего у нее в памяти не задержится. Ни моего запаха, ни… в общем, ничего из того, о чем вы говорили. Она не взглянет на что-нибудь и не подумает обо мне. Ни плохого, ни хорошего. Никогда.

Она права. О таком я не думала.

– Поэтому я хочу все ей рассказать. С самого начала. Все обо мне, что она знает сейчас, но не вспомнит потом. И все о ней маленькой, потому что потом ни от кого больше об этом не узнает. Так что, если я не напишу сейчас, у нее не будет ничего. Ей только и останется от меня что одно письмо до конца ее дней, и оно должно быть от меня. Все о нас с ней, что только мы знаем и чего она не запомнит.

– Отличная мысль, Джиника, лучше не бывает. Я уверена, Джуэл будет его беречь. – Такие легковесные слова несравнимы с ее тяжелой ситуацией, но должна же я сказать хоть что-то.

– Но я не могу его написать.

– Еще как можешь!

– Нет, не могу. Я не умею писать. И читаю с трудом. Очень плохо.

– Ох.

– Я бросила школу. Не успевала за другими. – От смущения она опять смотрит по сторонам. – Не прочту даже вот этот знак.

Я готова сказать ей, что там написано: «Нет сквозного проезда», но потом понимаю: незачем.

– Не могу прочесть сказку дочке на ночь. Инструкции к своим лекарствам. Дорожные указатели. Куда идет автобус. Но вы такая умная. Вам, скорее всего, меня не понять.

– На самом деле я вовсе не умная, Джиника, – горько усмехаюсь я. Умная не заявилась бы к Джой и не попала в такой переплет. Умная рассуждала бы здраво и в огне, и в воде. Умная точно знала бы, что делать, а не стояла бы, как сейчас, без сил и без единой мысли, перед подростком. Взрослый, казалось бы, человек, а никуда не гожусь, не могу ни помочь, ни направить. Ищу золотых крупиц совета и вдохновения, а руки хватают одну пустоту. Слишком занята тем, чтобы стереть дерьмо со своих собственных крыл, – вместо того чтобы помочь юной женщине взлететь.

– Я никогда не прошу о помощи, – говорит Джиника. – Я все могу сама. Мне никто не нужен. – Она перекладывает Джуэл на другое бедро. – Но, чтобы это письмо написать, помощь все-таки нужна. – Она еле цедит слова, настолько трудно ей это произнести.

– А почему ты не попросишь кого-нибудь из клуба написать его за тебя? – предлагаю я, пытаясь вывести себя из этого уравнения. – Например, Джой. Я уверена, она сделает это отлично. Ты ей все подробно расскажешь, а она запишет – в точности с твоих слов. Ей можно доверять.

– Нет. Я хочу написать сама. Я хочу научиться, как пишут такие письма. Письма дочке. Тогда она поймет, что я сделала что-то хорошее ради нее. И я не хочу просить никого из них. Они добрые, но все-таки чего-то не понимают. Я прошу вас.

Я, онемев, смотрю на нее. Масштаб задачи ошеломляет.

– Хочешь, чтобы я научила тебя писать? – медленно выговариваю я.

– Сможете? – смотрит она на меня. В глубине больших карих глаз мольба.

Я чувствую, что обязана согласиться. Я знаю, что не должна.

– Можно попр… – неуверенно начинаю я, но потом вырубаю эмоции – уж слишком велико желание защитить себя. – Знаешь, все-таки для начала мне нужно подумать.

Джиника сникает на глазах. Она проглотила свою гордость, попросила ей помочь. А я, трусиха эгоистичная, не могу заставить себя ответить «да».

Я знаю, что скучно и банально говорить об этом теперь, когда миновало столько времени, когда все устоялось, когда я представляю собой нечто большее, чем женщина в горе, но порой какой-то пустяк выбивает меня из ровного течения жизни, и все идет наперекосяк. Я заново теряю его, и тогда я снова и всецело – женщина в горе.

Так было, когда я разбила его любимую кружку с картинкой из «Звездных войн». Когда износилось наше постельное белье. Когда выветрился его запах из одежды. Сломалась кофемашина – солнце, вокруг которого мы вращались день за днем, две отчаянные планеты. Потери пустяковые, но сокрушительные. У каждого найдется то, что неожиданно выбьет из колеи, прервет ровное, плавное, стремительное движение. Для меня такой оказалась встреча с клубом. И это больно.

Инстинктивно я стремлюсь внутрь себя, свернуться в клубочек, как еж, но никогда – спрятаться или бежать. Проблемы – отличные охотники с острым нюхом и опасными зубами; они так чувствительны, что от них не спрячешься. Больше всего им нравится вас контролировать: хищник сверху, а вы, жертва, – под ним. Если прятаться, они насыщаются энергией, это дает им силу. Встреча лицом к лицу – вот что нужно, но на ваших условиях и на вашей территории. Я еду туда, где смогу осознать и принять то, что случилось. Я прошу помощи, и прошу у себя. Единственный человек, который непременно меня излечит, – я сама. Это в нашей природе. Мой встревоженный мозг взывает к моим корням, веля им цепляться за почву крепче и привести меня в равновесие.

Я с бешеной скоростью уезжаю от Джиники. Сердце заходится, ноги дрожат, но направляюсь я не домой. Словно почтового голубя ведет меня внутренний компас, и я оказываюсь на кладбище, у стены колумбария. Читаю знакомые слова одной из любимых присказок Джерри. Как и когда прошлое стало меня преследовать? Когда я от него побежала? В какой именно момент оно меня поймало? Как все, что я с таким трудом выстраивала, стремительно обрушилось?

Черт бы тебя побрал, Джерри. Ты вернулся.

Глава девятая

Я смотрю, как в палисаднике вколачивают в землю столбик с табличкой: «Продается».

– Рада, что мы наконец-то приступили, – врывается в мои мысли риелтор.

Продать дом я решилась в январе, а сейчас апрель. Я отменяла встречу за встречей, инь и ян маятником качались в моем мозгу, а Гэбриелу я говорила, что встречи отменяет агент. Как в армрестлинге, прижимала его руку с телефоном к полу, когда он грозился позвонить ей и высказать, что он о ней думает. А тянула я не потому, что раздумала, а потому, что, похоже, разучилась сосредотачиваться на обыкновенных делах. Впрочем, когда объявление «Продается» нарушает покой клумбы с мирно цветущими нарциссами, трудно признать, что дело из обыкновенных.

– Прости, Хелен, у меня расписание все время менялось.

– Да я понимаю. У всех у нас хлопот полон рот. Хорошая новость в том, что у меня уже есть список весьма заинтересованных людей, ведь это идеальный дом для первой покупки. Так что очень скоро я тебе позвоню, и начнем его показывать.

Надо же, дом для первой покупки. Я смотрю в окно на объявление. По саду я буду скучать – не по возне с ним, которую я перепоручила брату Ричарду, он у нас садовод-профессионал, – а по его виду. Ричард создал для меня рай, в котором я могла укрыться в любой момент. Ричард тоже будет тосковать по саду, а я – еще и по той близости, которая возникла между мной и братом. У дома Гэбриела есть задний двор с прекрасной старой вишней, цветущей розовым цветом. Весной я сижу в оранжерее и очарованно смотрю на нее, а зимой предвкушаю цветение. Интересно, можно ли будет посадить что-то еще и как Гэбриел посмотрит на тот горшок с подсолнухами, который вошел у меня в традицию с тех пор, как Джерри прислал мне семечки в одном из десяти своих

писем. Если это дом для первой покупки, значит ли это, что жилище Гэбриела – мой главный, основной дом? Или будет и третий заход, с ним или с кем-то еще, кого мне стоит ждать…

Хелен внимательно на меня смотрит:

– Можно вас спросить? О подкасте. Это было чудесно, так трогательно… Я даже не представляла, через что вы прошли.

Я теряюсь, захваченная врасплох вторжением в мою личную жизнь в самый разгар вполне обыденного события.

– Муж моей сестры умер. Сердечный приступ… ни с того ни с сего. Ему было всего пятьдесят четыре.

На двадцать четыре года дольше, чем было отведено Джерри. Эти подсчеты вошли у меня в привычку: на сколько лет больше, чем мне, выпало жить рядом с любимыми другим людям. Попахивает бессердечием, но зато поначалу помогало слегка подкормить горечь, которая время от времени пробуждалась и сжирала всякую надежду на лучшее. Похоже, эта способность ко мне вернулась.

– Сочувствую.

– Спасибо. Я вот, знаете, думала… вы кого-то еще… встретили?

Я ошарашена.

– В последнем письме вашего мужа он дает согласие… разрешает вам встречаться с другим мужчиной. Это так… необычно! Не представляю, чтобы так сделал мой зять… Я вообще не представляю сестру рядом с кем-то другим. Ксавьер и Жанин. Только так и не иначе. Просто скатывается с языка, понимаете?

Не вполне, но в том-то и дело, верно? Люди, которые не подходят друг другу, внезапно становятся парой, и ты уже не можешь представить их друг без друга. Обстоятельства и счастливая случайность вступают в контакт, чтобы синхронизировать двух людей, которые до того на дух один другого не

выносили, и вот они уже затянуты в центр электрического поля. Любовь естественна, как сдвиг тектонических плит с землетрясением в итоге.

– Нет.

Похоже, ей делается неловко, и она дает задний ход.

– Говорят, в жизни случается только одна истинная любовь. Вам повезло, что он вообще у вас был, – ляпает она. – По крайней мере, так считает моя сестра… Ну что ж, значит, я объявляю старт продаж и позвоню вам сразу, как только договорюсь о просмотрах.

Наверное, это вид лжи, а по отношению к Гэбриелу я веду себя как Иуда, но я не собираюсь сообщать ей, что снова нашла любовь. Меня, собственно, и задело именно то, как она пересказала последнее письмо Джерри. Ведь я не получала согласия или разрешения Джерри на то, чтобы влюбиться снова. Я в этом не нуждалась. Нормальное право любого человека – выбирать, кого и когда любить, и оно принадлежит мне с рождения, оно неизменно. Сутью дара Джерри было благословение. Именно оно, как глас греческого хора, грохотало в моем перепуганном, взбаламученном сознании, когда я наконец стала снова ходить на свидания. Благословением этим питалось желание, которое и до того уже существовало во мне. Люди неутолимо стремятся к богатству, общественному положению и власти, но более всего они жаждут любви.

– В какой комнате это случилось? – спрашивает она.

– Где он умер? – вскидываю я бровь.

– Нет! – отшатывается она. – Где он писал эти письма, или где вы их нашли, или прочитали? Я думаю, это заинтересует тех, кто будет смотреть дом. Дома с историей продаются лучше. «А вот та самая комната, в которой были написаны чудесные письма “P. S. Я люблю тебя”», – с довольной улыбкой произносит она. Риелторская смекалка работает на полную мощность.

– Это была столовая, – сочиняю я. Я не знаю, где Джерри писал, и никогда не узнаю, а читала я их повсюду, в каждой комнате, постоянно перечитывала снова и снова. – Там он и умер. Можете им и это сказать.

Его горячее дыхание обжигает мне лицо. Впалые щеки, бледная кожа. Тело умирает, но душа еще здесь.

– Увидимся на той стороне, – шепчет он. – Через шестьдесят лет. Приходи, не то пожалеешь.

Он еще шутит, для него это единственный способ справиться с ситуацией. Мои пальцы, мои губы на его губах. Вдыхаю его дыхание, его слова. Слова значат, что он еще жив.

Нет-нет, не сейчас. Не уходи.

– Увидимся везде, – был мой ответ.

Больше мы уже не разговаривали.

Глава десятая

Внимательно смотрю на Дениз: чего от нее ждать? На вид вроде спокойна, но именно с таким лицом она обычно и сообщает о чем-то из ряда вон. Помню ее лицо, когда она объявила о своей помолвке, о новой квартире, о повышении по службе, о том, что удалось-таки купить на распродаже вожделенные туфли: любая хорошая новость преподносится с таким торжественным выражением лица, чтобы мы заподозрили что-то ужасное.

– Нет. – Она трясет головой и морщится, вот-вот заплачет.

– Милая! – Шэрон тянется к ней, обнимает.

Давненько я не видела свою старую подружку Дениз. Она угомонилась, стала тише, рассеяннее, отрешеннее. Выглядит неважно из-за бесконечного стресса. Уже третий курс ЭКО за шесть лет.

– Это все, мы больше не можем.

– Ну почему же, попробуйте еще раз, – ласково уговаривает ее Шэрон. – Я знаю пару, которая прошла через семь курсов.

Дениз захлебывается слезами.

– Я не могу сделать это еще четыре раза. – В ее голосе боль. – Мы не потянем даже один! Мы на нуле. – Кое-как вытирает глаза. Боль перерастает в злость. – Уф, мне надо выпить. – Она встает. – Вина?

– Давай-ка принесу, – вскакиваю я.

– Нет, – отрезает она. – Я сама.

Я плюхаюсь на место.

– Ты тоже выпей, Шэрон, – говорю я в надежде, что та сообразит. Я хочу, чтобы она заказала вино и притворялась, что пьет, – что угодно, только бы не привлекать внимание к тому факту, что внутри Шэрон зреет то, чего страстно хочет Дениз. Однако Шэрон не улавливает намека. Она думает, я забыла. Делает большие глаза в смешной попытке напомнить мне великую тайну, и Дениз, наблюдая за этой пантомимой, как раз сразу врубается, в чем дело.

– Мне водички с газом, ладно? – закончив гримасничать, говорит ей Шэрон.

С тяжким вздохом откидываюсь на спинку стула. Всего-то и требовалось, что заказать чертово вино. Дениз ничего бы не заметила. А теперь она оглядывает Шэрон так, словно у нее с собой ультразвук.

– Поздравляю, – бесцветно бросает Дениз и направляется к бару.

– Черт, – выдыхает Шэрон.

– Надо было заказать вино, – напеваю я. – Только и всего.

– Да, теперь-то я поняла, но в тот момент подумала, что ты забыла. Ну что за ерунда! – Она хватается за голову. – Бедняга Дениз.

– Это ты бедняга.

Дениз возвращается, ставит на стол бокалы с вином и газировку, а потом обнимает Шэрон, и они долго сидят, прижавшись друг к другу.

Я отхлебываю вина, и оно обжигает мне горло.

– Хотите, кое-что расскажу? Мне нужен совет.

– Конечно, – говорит Дениз, озадаченная, но довольная тем, что можно отвлечься от своих печалей.

– Когда мы записывали тот подкаст в «Сороке», одна женщина, которая была там, так растрогалась, что основала клуб под названием «P. S. Я люблю тебя». В него вошли неизлечимо больные люди, и они хотят написать письма своим родным так же, как Джерри.

– Ого… – тянет Дениз, округлив глаза.

– Они обратились ко мне, чтобы я помогала им писать эти письма.

Подруги переглядываются, каждая старается угадать, какого мнения по этому поводу может придерживаться другая.

– Мне очень нужно ваше мнение. Только по-честному!

– А ты-то сама хочешь им помогать? – спрашивает Дениз.

– Нет, – твердо говорю я. – Но когда думаю, как могла бы их поддержать, понимаю, как это для них важно. И чувствую себя слегка обязанной.

– Ты не обязана! – возражает Шэрон.

Обе задумываются.

– Если смотреть с положительной стороны, – начинает Дениз, – прекрасно, что они позвали тебя.

Да, прекрасность мы отрицать не можем.

– А если с реалистичной стороны, – вступает Шэрон, – то для тебя это будет все равно как пережить все по новой. Словно развернуться назад.

Это как раз то, что думают по поводу подкаста Гэбриел и половина моего семейства. Перевожу взгляд с одной на другую, как на теннисном матче, а мои лучшие подружки разыгрывают тот самый диалог, который крутится у меня в голове всю неделю.

– Если, конечно, на самом деле это не даст ей толчок. Она ведь и так продвинулась, правда? – защищает проект Дениз. – Посмотри, ведь совсем другой человек. Другая Холли. У нее новая жизнь. Она работает. Она умывается. Она продает дом и переезжает к этому симпатичному древоведу.

Чем дольше перечисляет Дениз, тем больше я нервничаю. Мне ведь то, о чем она говорит, совсем не просто далось. И мне нельзя этого лишиться.

Шэрон смотрит на меня с тревогой:

– А насколько они больны?

– Шэрон. – Дениз пихает ее в бок. – Больны значит больны.

– Ничего не значит. Бывает болезнь, а бывает… – Шэрон высовывает язык и скашивает глаза.

– Уродство? – заканчивает за нее Дениз.

– Не все из них смертельно больны, – признаю я, пытаясь изобразить оптимизм. – Один, Пол, в ремиссии, а у Джой пожизненное… ухудшение состояния.

– Ну разве не благостная картина? – подпускает сарказма Шэрон. Определенно, ей это не нравится. Она смотрит на меня своим пугающим взглядом мамочки, у которой не забалуешь. – Холли, ты должна быть готова. Ты будешь помогать этим людям, потому что они больны и умирают. Тебе придется прощаться снова и снова.

– Но представь себе, как это будет прекрасно, – к нашему удивлению, Дениз изменила тон. – Когда они пишут письма. Когда они умирают с мыслью об этом. Когда их родные читают их послания. Представляй себе именно эту часть дела. Вспомни, что мы чувствовали, Шэрон, когда Холли открывала конверт в первый день каждого месяца? Мы дождаться не могли этого момента.

– Холли, ты получила от Джерри дар и можешь передать его дальше. Если ты в силах, если для тебя это правильно – делай. Если это отбросит тебя назад – отступись и не вини себя.

Мудрые слова, не поспоришь, но четкое «нет» или «да» помогло бы мне больше.

– А что Гэбриел говорит? – спрашивает Шэрон.

– Я еще не советовалась с ним, но и так знаю. Он скажет «нет».

– Нет? – сердится Шэрон. – Разве тебе нужно его разрешение?

– Я понимаю, но… Я сама сомневаюсь, что это хорошая идея.

– Что ж, это и есть твой ответ, – подытоживает Шэрон.

Так почему же я все еще мучаюсь этим вопросом?

От участия в дальнейшем разговоре я воздерживаюсь, мечусь в поисках выбора, ищу решение. Я чувствую, что должна, и знаю, что не должна.

Мы расстаемся и возвращаемся каждая к своей жизни, к своим проблемам.

Ткать и распускать, распускать и ткать.

Глава одиннадцатая

Два часа ночи. Я у себя дома, брожу по комнатам первого этажа. Их всего ничего. Из гостиной в столовую, а оттуда в маленькую, подковой, кухню, в которой места едва чтобы рядом встали два человека. Еще есть туалет и душевая под лестницей. Идеально, потому что живу здесь одна я, ну и изредка – с Гэбриелом. Его дом красивее, и там мы бываем чаще. Наш с Джерри дом – для первой покупки; новостройка в пригороде Дублина, где мы поселились, намереваясь провести вместе остаток дней. Все было новехонькое и чистое-блестящее, до нас никто не пользовался ни душем, ни кухней, ни ванной. С каким восторгом из прежней съемной квартиры мы переехали в собственный дом с лестницей!

Я подхожу лестнице и, задрав голову, смотрю вверх.

– Холли! – зовет Джерри.

Он стоит там, где я сейчас, – на нижней ступеньке. Рука лежит на перилах.

– Да! – ору я.

– Ты где?

– В ванной!

– Где? Наверху?

– Джерри, наша единственная ванная – наверху.

– Да, но внизу у нас есть туалет!

Я смеюсь. До меня дошло.

– Ах да, но я как раз в той ванной, которая наверху. А ты где? Внизу?

– Да! Да! Я здесь, внизу!

– Супер, увидимся, когда я спущусь вниз оттуда, где я сейчас, наверху!

– Идет. – Пауза. – Поаккуратней со ступеньками. Их много. Держись за перила!

Улыбаюсь воспоминанию и поглаживаю поручень, к которому притрагивался и он, – как будто следы его касаний могут запечатлеться на моей коже.

Я уже много лет – с первых месяцев после его кончины – не бродила вот так ночами по дому. Но сейчас кажется, что дом заслуживает долгого вдумчивого прощания. Меж тем мысли кипят. Викторина Берта, письмо Джиники, деревья и кустарники Джой. Я не спросила Пола, что задумал он. У них было больше вопросов ко мне, чем у меня к ним, – о дельфинах, о медовом месяце, о подсолнухах. Подсолнухи. Октябрьское письмо Джерри. Засушенные цветочные лепестки между двумя открытками и мешочек с семенами, «чтобы скрасить темные октябрьские вечера, которые ты так не любишь».

Когда Джерри был жив, я ненавидела зимы. Когда он умер, я благодарно кинулась им в объятия. Теперь же я просто принимаю каждый сезон как нечто естественное и неизбежное. Семечки лежали в восьмом письме Джерри. Я стала всем говорить, что подсолнух – мой любимый цветок. Ничего подобного. Я вообще не из тех, у кого бывает один любимый цветок. Цветы – это цветы, и по большей части они все красивы. Однако у подсолнуха было свое значение, история. Он стал поводом для разговора. А завести разговор Джерри сумел, даже лежа на смертном одре, такой уж у него был талант.

Первое время после переезда мы обходились минимумом мебели. Обстановка съемной квартиры принадлежала хозяевам, поэтому пришлось начинать почти с нуля. Однако купить все сразу нам было не по карману, и, кроме того, мы забыли учесть сроки доставки. Думали, диваны окажутся у нас, едва мы выберем их в магазине, – обычный прокол начинающих. Так что мы три месяца прожили без дивана и кофейного столика. Сидели у телевизора в креслах-мешках, пили вино, а посуду ставили рядом на еще не распакованные коробки.

– Милый, – начала я однажды вечером, когда мы сидели так, отужинав стейком с картофелем фри.

– Ой-ой, – покосился на меня Джерри, и я рассмеялась.

– Не волнуйся, это не страшно.

– Уже легче. – Он потянулся вилкой к стоящей на полу тарелке с остатками стейка.

– Когда ты думаешь завести ребенка?

Комически вытаращив глаза, он отправляет мясо в рот и медленно пережевывает.

Я смеюсь.

– Ну же! Что ты об этом думаешь?

– Я думаю, – жуя, говорит он, – нам сначала надо научиться стейки мариновать.

– Ладно, если ты не хочешь отнестись к этому как взрослый, давай скажу я. Мы женаты уже два года, и, если не считать одного ужасного лета и двух недель, когда мы не разговаривали, потому что ты целовался с Дженнифер О’Брайен, а я все увидела, мы вместе уже…

– Не целовался я с Дженнифер О’Брайен.

– Ну, она-то с тобой целовалась, – смеюсь я. На самом деле я давно уже это пережила. Мне вообще тогда было четырнадцать.

– И она не целовалась. Она нагнулась и легонько мазнула губами по губам, а произошло это потому, что я отклонил голову. Короче, забудь, – осаживает он меня.

– Хм. Ну, предположим. Позволь, я продолжу.

– Сделай одолжение.

– Мы женаты уже два года.

– Ты об этом уже упоминала.

– И мы вместе уже двенадцать лет, – не слушая, продолжаю я. – Плюс или минус.

– Плюс. Всегда плюс.

– И мы говорили о том, что как только выедем из той крысиной норы…

– Подумаешь, одна мышка. И то разочек.

– …и купим свой первый дом, мы подумаем о ребенке. И вот теперь, когда мы купили дом, который не будет принадлежать нам еще ближайшую сотню лет, разве не пришло время начать дискуссию?

– И нельзя было найти более подходящий момент, чем именно тогда, когда «Манчестер Юнайтед» побил «Арсенал»? Действительно, можно ли лучше подобрать момент.

Я смеюсь.

– У тебя стабильная работа…

– О, ты еще не закончила?

– И у меня, когда я работаю, она тоже стабильная.

– Между периодами нестабильности, – вставляет он.

– Да. Но вот в данный момент у меня работа, от которой меня воротит, и я не буду по ней скучать, когда уйду в декрет.

– Что-то я сомневаюсь, что тем, кто работает временно, полагается декретный отпуск. Ты ведь как раз замещаешь кого-то, кто в декрете. – Глаза искрятся от смеха.

– Ну ладно, пусть мне не дадут уйти в декрет, тогда я просто уйду, – рассуждаю я. – То есть только и нужно, что забеременеть и уйти…

Он хохочет.

– И потом, ты красивый, я тебя люблю, и у тебя классное, мощное семя, которое грех не распространить по миру, а сейчас оно спрятано там, внутри, в темном местечке, и ему страшно там, одиноко… – Я делаю жалобное лицо.

Он фыркает.

– Из него вылупится суперребенок. Я уверена.

– Да что ж ты никак не уймешься?

– И потом, я люблю тебя. И из тебя выйдет отличный папа.

Он смотрит на меня уже всерьез:

– Это всё?

Я задумываюсь:

– Да, забыла: еще я люблю тебя.

Он улыбается:

– Я хочу от тебя ребенка.

Я визжу от восторга, но он прерывает меня, добавив:

– Но как же Джепетто?

– Нет! – отодвигаюсь я от него и с мольбой взываю к потолку: – Ради бога, не начинай про Джепетто!

– Джепетто был членом нашей семьи, а ты… ну, признайся, Холли, ты ведь его угробила.

– Джерри, ну давай для разнообразия поговорим как взрослые люди.

– Мы и говорим как взрослые.

– Джепетто был растением!

– Джепетто был живой, дышащей формой жизни, которая так же, как мы, нуждалась в воздухе, свете и воде. Кроме того, так уж вышло, что он был очень недешевым деревом бонсай, точно того же возраста, что и наши отношения. Ему было десять лет. Ровесник наших отношений. Понимаешь ли ты, каких трудов стоило его отыскать? Мне пришлось ехать за ним в Дерри!

Со стоном я выкарабкиваюсь из кресла-мешка, собираю тарелки и несу их на кухню, сразу и сердитая, и раззадоренная этой болтовней. Джерри идет за мной – хочет убедиться, что не задел меня всерьез. Обидеть он не хочет, но уже не может остановиться: наступает и отскакивает, как ветка, которой ворошат костер.

– На самом деле ты больше злишься на то, что пришлось ехать в Дерри к этому жулику, торговцу бонсаями, чем на то, что я его доконала. – Я соскребаю остатки еды с тарелок в мусорное ведро и ставлю их в раковину. У нас еще нет посудомойки, и это повод для большинства ссор.

– Ага! Значит, ты признаешь, что убила его?

Вскидываю руки: сдаюсь.

– Конечно, убила. И сделала бы это опять, будь у меня хоть полшанса.

Джерри хохочет.

Чтобы подчеркнуть чистосердечность признания, делаю пируэт.

– Понимаешь, я ревновала. Меня достало, что ты уделяешь ему столько внимания, а я чувствую себя третьей лишней. Поэтому, когда ты уехал на две недели, я все спланировала. Поставила его на подоконник, там, где солнца больше всего, и… забыла его поливать. – И, скрестив на груди руки, любуюсь, как Джерри складывается пополам от хохота. – Ну ладно, давай всерьез. Если разговор о Джепетто всего лишь дивертисмент к тому, что ты не готов к ребенку, то ради бога. Я могу подождать. Я просто открыла этот вопрос для обсуждения.

Он вытирает глаза и перестает улыбаться.

– Да хочу я ребенка! Не сомневайся. Я-то не сомневаюсь.

– Очень хорошо. Я готова.

– Ну, ты то и дело меняешь свои решения.

– Да, когда это касается того, какое надеть платье и какие выбрать консервированные помидоры – нарезанные кубиками или целые. И работы. И краски для стен, и плитки в ванную. Но детей это не касается.

– Собаку ты отослала назад уже через неделю.

– Она изгрызла мои любимые туфли.

– Ты меняешь работу каждые три месяца.

– Это называется временным трудоустройством. Я обязана. Если не уйду сама, меня заставят.

Он молчит, уголок рта подрагивает.

– Насчет этого – не передумаю, – говорю я, уже основательно беспокоясь, почему я, взрослая женщина, должна доказывать свою состоятельность – и кому? Собственному мужу! – Правду сказать, я и так прождала три месяца, прежде чем начать этот разговор. – Потому что он прав. Я и вправду постоянно передумываю. Почти любой шаг, влекущий за собой долгосрочные

обязательства, вызывает у меня ужас. Исключение было только одно – решение выйти за Джерри. А вот когда подписывали контракт по ипотеке, я чуть с ума не сошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бриан Бору (926 или 941 – 23 апреля 1014) – верховный король Ирландии, в 1014 г. разбил датчан при Клонтарфе и в этой битве погиб. После его смерти Ирландия вновь распалась. – Прим. перев.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sesiliya-ahern/postscript

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить